

ПОЛОНЯНКА

ГЛАВА 1 Грозен был тот год

ГЛАВА 2 ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ РАСПУТНАЯ. КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ.

ГЛАВА 3 О ВЛАСТИ, ХИТРОСТИ И СТРАСТИ

ГЛАВА 4 О НАПРАСНОЙ СУЕТЕ КНЯЗЯ МСТИСЛАВА

ГЛАВА 5 СТОЛКНОВЕНИЕ

ГЛАВА 6 И ДЕСЯТЬ ЖЕН, И ДЕСЯТЬ ДЕВ

ГЛАВА 7 НАПРЯЖЕННЫЕ ОЖИДАНИЯ

ГЛАВА 8 ТАЙНАЯ ПЛЕННИЦА

ГЛАВА 9 ПОХОД НА РУСЬ

ГЛАВА 10 ТАИНСТВЕННЫЙ МИР

ГЛАВА 11. ПРЕД ВРАТАМИ ВЛАДИМИРА

ГЛАВА 12 СТРАННЫЕ СНЫ

ГЛАВА 13 ПЛЕННИЦА СРЕДИ СВОИХ

ГЛАВА 14 ПАДЕНИЕ ВЛАДИМИРА

ГЛАВА 15 ВПЕРЕД

ГЛАВА 16 ТРУДНЫЙ ВЫБОР

ГЛАВА 17 БАТУ ПЕРЕД КИЕВОМ

ГЛАВА 18 В ОСАЖДЕННОМ ГРАДЕ

ГЛАВА 19 НОВОЕ СВИДАНИЕ

ПОСЛЕДНИЙ ПИР

ГЛАВА 20 ЗАВОЕВАННЫЙ МИР

ГЛАВА 21 НА РАЗВАЛИНАХ, В ДЫМУ И ОГНЕ

ГЛАВА 22 ВЕРОЛОМСТВО

ГЛАВА 23 БЕССИЛИЕ

ГЛАВА 24 ПОДАРОК ВЛАСТЕЛИНА

**Говорят, хан Батый, внук грозного Чингисхана
Интересовался всем, связанным с Русью,
и очень любил славянских наложниц,
которых у него было бесчисленно.**

ВСТУПЛЕНИЕ

Ханская милость тебя породила когда-то,
Ханская ярость в душе убивает живое.
Знала ли мать, что жестокою будет расплата,
Выжить хотела, оставшись навеки вдовою.
Грозен Батый, и его окружают чужие,
Русская дева, ты хану была ли мила,
Русь за спиною, и выли о мертвой родные,
Там порешили навеки - она умерла.

Может, и так, только были унылые годы,
Ханские сабли, и пленники в гневе глядят.
Помнится все, и усмешка его и походы.
Только уже никогда не вернуться назад.
Где она Русь, и какие укрыли туманы,
Земли, которых уже не увидеть вдали,
Ханская милость, о, страстные грозные ханы,
Это лишь похоть, ты зря говоришь о любви.

Вечная пленница, вещь дорогая, славянка.
Снова уныло встречаешь в орде ты рассвет.
- Кто твоя мать? Да из русов она, полонянка,
Ханская милость и дара проклятого свет.
Знала ли мать, что жестокою будет расплата,

Выжить хотела, оставшись навеки вдовою.
Ханская милость тебя породила когда-то,
Ханская ярость в душе убивает живое.

ГЛАВА 1 Грозен был тот год

Грозен был тот год и тот век. Грозен и хан, истреблявший все на своем пути.

Словно вестник неведомого жестокого бога промчался он по окраинам земель русских и все истребил этот степной Змей ненасытный. По телам русичей ехал он, не останавливаясь и не разбирая дороги. По мертвым и еще живым пленникам неслись его лютые кони.

И только русские девы показались ему в беге его яростным прекрасными, возможно только показались в пыли, но первое впечатление оказалось таким сильным, что повелел грозный хан забирать их всех с собой, где бы ни настигли их его неустрашимые воины.

И те, славянки, которые не решились умереть от собственной ли руки или от сабли ворогов лютых, те шагнули в орду его дикую.

Сначала ничего они не понимали, и не видели и не знали, что с ними такое творится. И только тела мужей, сыновей, братьев, отцов, по которым кони ханские неслись, все стояли перед глазами. А потом, когда видения те стали пропадать, а объятая сотников и темников оказались страстными и ненасытными, они и поняли, постепенно стали выяснить, что с ними случилось. А некоторые так в тумане и оставались, решив, что если не защитили их мужчины, то и будут они тут влачить жалкую и никчемную жизнь свою. Кто-то готов был устроиться, и смело повелевал темниками и сотниками, готовыми за ночь любви на многое.

Похотливы были воины бесстрашные, ненасытными были они в ночные часы - эти черные вороны, уже кружившиеся над землями русскими, и очнулись полонянки, когда в утробе то одной, то другой из них дитя давало о себе знать.

И тогда уже не до забвения становилось, если новая жизнь нарождалась. Сон беспробудный, в который их рабство погрузило, отступал куда-то вмиг один. Только тревоги затмевали ту искру малую радости, которая в такие минуты случалась. Они ждали чужих детей.

Сколько раз на разные лады повторяли татары слова своего хана о том, что родятся батуры, такие же красивые, как они сами, и такие же сильные как русичи. Было отчего славянкам прийти в ужас, когда они смотрели на наложников своих. Даже и представить не могли они, как будут выглядеть их дети, родившиеся в назначенный срок. Светлые волосы, голубые глаза, всегда отличавшие славян и русичей, они исчезнут с земли, род прекратится, татарская кровь переборет русскую. Разве не о том пеклись старики, когда объясняли им в добрые времена, почему не могут они выходить замуж за чужаков. Светлые волосы, голубые глаза - они должны сохранить свой род, а не чужой множить. Помнили они всегда эти наказания, только как их исполнить можно теперь, если стала ты безропотной пленницей татарской, полонянкой. И никакой надежды не осталось на то, что в жизни что-то перемениться может.

Они, захваченные в плен, лучше тех, кто на родных землях остались, убедились в том, что так могучи ироды, что тьмы и тьмы их развелось на бескрайних просторах, и никакая сила иная одолеть их уже не сможет, вот в чем и была беда - то самая главная. Не конец ли света наступал, не последние ли дни доживали они в покоренном, сожженном, уничтоженном мире.

Но и в такой дикости беспросветной жизнь продолжалась, конца света, которого славянки ждали в начале, не наступало, темники врывались к ним вечерами, то ласково, то грубо, кому как повезет, и дети должны были появиться на свет.

Не все они оказывались в объятьях хана самого. Он только изредка выбирал себе то одну то другую, стараясь никого не обижать и не выделять, а потом появлялись новые наложницы имен и лиц, которых никогда не помнил Властелин. Хан был уверен, что он вездесущ, и быть должен со всеми. Это он

внушал и сыновьям и внукам своим. Пока он был жив, никто из них не посмел бы послушаться его и какие-то заветы нарушить.

Но потом, когда умер Чингисхан, и невесть где был он похоронен, все медленно, но верно менялось.

Тогда одна из первых славянок, побывавшая в объездах грозного повелителя мира, дочь русича Ратибора Лада - растила дочь свою, которую скорее с горькой усмешкой назвала Забавой. Имя это так часто повторялось в былинах, которые ее дед распевал, что она решила, что именно так должны звать девочку. Она радовалась тому, что это была девочка, а не воин в проклятую орду, которая и родилась, после ночи с ханом грозным, но не от него.

Лада уже была беременна, когда схватил ее какой-то воин и поволок к хану. Она знала это, чувствовала, и успела порадоваться, что от любимого ребенка родит. Только радость недолго длилась, под копытами татарских коней завершилась жизнь ее Святослава. Хоть и назван он был в честь грозного и непобедимого древнего князя, но той безрассудной и дикой храбростью не отличался. А кто в те времена мог отличиться, давно прошли времена былинные, о которых только сказки да песни и остались. И трусы и храбрецы, все оказались в одинаковом положении, как и любимые и жены их, и старики, и дети малые. И на том или на этом свете они оставались, какая разница.

Хан умер, так и не узнав, что Лада родила девочку, которая не могла его интересовать так, как сыновья других наложниц, и они остались в орде. Никто не посмел бы и тронуть ее пальцем после всего, что было, но плен от этого не становился ей милее. Рабство есть рабство.

И была еще одна то ли радость, то ли проклятие - так порешила старшая жена хана - Забава часто бывала рядом с другими ханским детьми и внуками. И Бату оказывался все время рядом.

Он был удивительно красивым мальчиком. Лада научилась уже различать их красоту, хотя никак не могла примириться с тем, что все останется так и неизменно.

Когда она пригляделась, то поняла, что происходит нечто странное с наследником и ее дочерью. Забота о судьбе дочери оставалась единственной ее заботой в этом мире. Она была той последней из рода, тем напоминанием о ее любимом, которого ничто не заменит обездоленной и лишенной всего женщине. Она часто думала о том, что если окажется когда-то в родном мире, а только об этом Лада и мечтала, то она сможет сказать русичам, что она смогла сохранить то, что, умирая, оставил ей Святослав - их Забаву. Она не была ханским ребенком, она славянка. Только глядя на то, как девочка росла и воспитывалась, понимала она, что мало просто родиться с голубыми глазами и светлыми волосами, она была здесь внешне странным ребенком, но она ничем от других не отличалась. Да и как такое могло случиться.

Но глаза этого мальчика, который был определен наследником - вот что пугало Ладу по-настоящему. Когда Бату смотрел на ее дочь, она, давно ничего и никого не боявшаяся, замирала от страха. Хотя вроде бы бояться было нечего, она почти уверена была в том, что он защитит ее от всех и от всего, что никто другой не посмеет приблизиться к ней, пока он жив, но могло ли это стать утешением.

Любовь - это состояние души можно назвать какими угодно словами, но оно было тем главным и единственным, что с самого начала владело его душой.

- Почему ты на меня так смотришь, - спросил мальчик, когда, наконец, резко повернулся к Ладе и приблизился к ней.

Она растерялась от такого детского напора, но ненадолго.

- Твой дед, он завещал любить всех наложниц одинаково, не надо выделять кого-то одного.

- Я и буду любить наложниц одинаково, - усмехнулся он, - но у меня будет первая жена, она и все остальные наложницы, - подчеркнул он.

Было чему дивиться - не десятилетний мальчик, а взрослый муж в тот момент стоял перед ней. Она окаменела, превратилась в тот самый соляной столб и больше не могла пошевелиться, а он звонко рассмеялся и убежал к остальным детям, радуясь тому, что смог так поразить взрослую женщину. Да еще славянку, на них всегда жаловались воины - они были особенно строптивыми и безрассудными, с ними так трудно договориться, ни о какой покорности речи не шло. Но он знал и другое - именно это и привлекало мужчин в орде. И каждый из них стремился заполучить одну из них в жены, и гордились они этим всегда.

Возможно, Властелин и на самом деле был мудрым человеком, это не только легенды о нем странные, если он смог в малыше рассмотреть будущего своего приемника, и выбрал именно его.

Когда к ней подошел Темник, который с самого начала был безнадежно влюблен в нее, и рисковал головой еще во времена, когда она считалась первой наложницей властелина, Лада очнулась. Наверное, его поразило то, что она стояла неподвижно, как пугало на огороде и ни одна птица не приближалась к ней, все облетали стороной, только он и подошел.

- Чем он так поразил тебя? Мальчишка слишком дерзок, но ему с рождения было много позволено. Говорят, звезда упала в тот момент, когда он родился, и Он больше не о ком думать и слышать не хотел.

- Он мудр не по годам, и он сможет захватить мою Русь. Надеюсь, я не доживу до того времени, когда его кони затопчут моих родичей, но что будет с ней. Она смотрела на свою красавицу - дочь.

- За нее можешь не бояться, - говорил Темник,

Но не понятно было, то ли он сам собрался защищать белокурую девочку, то ли и он видел, как на нее смотрит Бату, и знал, что хан никогда не даст ее в обиду, и никому не отдаст. Она не стала о том спрашивать, чтобы не искушать судьбу. Он отвернулся, пряча улыбку.

И Темник знал, что славянки были самыми таинственными и странными созданиями, из всех их пленниц, но эта. Темник не понимал, что творится в

его душе, когда он был рядом с ней, но он точно знал другое, что готов был покорить и бросить к ее ногам весь мир. Хотя и приблизиться к ней было опасно для жизни - она навсегда останется, как дорогая бесценная вещь - наложницей их властелина. Он умер, конечно, а с мертвым с ним бороться еще безнадежнее, чем с живым, но кто виноват, что не мог он уже жить по-другому. Эта дикая колдунья вынула его душу, хотя и не стремилась к этому. И пусть ярится жена. Но он не боялся, что она сможет отравить Ладу - ночь с ханом стала для нее таким щитом, что никто и ничто в этом мире не сможет причинить ей вреда.

И когда ярилась жена, он так же усмеялся. Только его голова может слететь и очень скоро, и не в сражении, если он станет себе с ней вольности позволять.

О том же думала и Лада, потому она и сказала:

- Не дразни собак, только тебе одному я могу доверять здесь, останься жив, пока я жива.

И эта ее тихая просьба была для него важнее любого приказа. Только потому, что она попросила, ему и хотелось сохранить на какой-то срок свою жизнь. Хотя без ее объятий и жарких ночей она не так уж много значила, и все-таки не была совсем уж пустой и никчемной.

Он взглянул еще раз на белокурую девочку и очень красивого наследника грозного Властелина. Они все время в толпе детей были рядом, он не отходил от нее больше чем на шаг, и так толкнул кого-то из ребятишек, который случайно в игре на нее налетел, что тот растянулся на земле и разревелся.

Никто не посмел даже слова сказать, ему было всегда все позволено. Пройдет совсем немного времени, и вместе с ним понесутся они в неведомую даль, чтобы получить богатства, славу и славянских дев. И только этому странному Темнику, может быть одному не нужна будет ни одна другая, кроме Лады, да и этот мальчишка вряд ли особенно будет интересоваться другими славянками. Хотя и наказывал его дед любить всех наложниц одинаково, чтобы не было среди жен и наложниц вражды. Чтобы рождалось

как можно больше детей. Он, тот, кого называли Бату, нарушал все запреты с самого начала, и имел дерзость уже теперь проявлять свой характер. Но могли быть другим тот, кто сожжет и покорит бескрайнюю и таинственную Русь, мир, где когда-то жила, и куда стремилась всей душой, единственная любимая женщина Темника грозного, которую они называли странным именем Лада. Такое имя было у их богини любви и гармонии, но они стали рабами покорными, как только от своих богов отказались

Пока дремали бескрайние земли в предгрозовой тишине, но как только подрастет этот мальчик, все в один миг переменится.. И Руси, как и Ладе не избежать плена на долгие столетия. Но такова ее судьба

ГЛАВА 2 ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

**Всем, преданным и брошенным своими князьями,
и ставшими возлюбленными чужих ханов,
они не всегда умирали, но что это была
за жизнь в чужом мире среди чужих страстей**

Мой хан, я твоя полонянка,
Я брошена в бездну страстей,
И звезды, горевшие ярко,
Любимые жены князей,
Меня презирают, и знаю,
Земли мне родной не видать,
Мой хан, я повсюду чужая,
Но страсти твоей не унять.
За что мне сегодня такое,
Я ведьмой вовек не была,
Оставь меня, хан мой, в покое.
Когда по углям я прошла,
То душу дотла я спалило,
Я больше не в силах любить,
Какая безумная сила,
Поможет мне выжить, но жить
В объятьях твоих не сумею,
В шатре у тебя не смогу,
Листом я оторванным рею,
И снится мне Киев в снегу.
Душа, только легкая птица,

Снежинка, и лучше растаять,
Чем снова к тебе возвратиться,
Чем страстью безумную править.
- Ты Киев получишь.
- Не надо. Пугают такие дары.
Будь проклята злая отрада
Свободна. Кинжалы остры
Но я, я бы выжить хотела,
Чтоб князю в глаза посмотреть.
Смятенье душой овладело
И благом была бы мне смерть.
Но нет, я живу и страдаю,
И страсти уняв до поры.
Я с тихой тоской принимаю,
Нелепость судьбы и игры.

Сколько времени прошло, сколько воды утекло в том плену, который давно уже стал домом родным, не знала Лада, она только видела, что ее Забава стала совсем взрослой.

Когда наступило странное и долгое затишье, она однажды, когда шила что-то и рассказала Забаве уже не сказку о домовом или Лешем, о Берегине, которая хранила, да не уберегла земли их, а все, что знала о древнем Киеве, потому что очень боялась, что умрет однажды, а девочка так и не узнает о земле отцов, которая могла бы быть и ее землей.

- Если бы ты ведала, как там прекрасно, там все по-иному устроено, ты могла бы родиться и жить там, да видно не судьба была.

И она обратила свой взор в небеса, вспомнив о том, что была где-то грозная богиня, которую называл дедушка ее Мокошью. И она ведала и жизнью и смертью, никто из богов никогда не мог ее послушаться, как предписано было, так они и жили в те времен. А еще говорил он, что в момент рождения ребенка, появляются две ее младшие сестры, Доля и Недоля, они по воли богини и награждают ребенка судьбой определенной.

Мать знает о том, что обещано было, но она никому никогда не должна говорить о том, потому что нельзя судьбу изменить, а если нельзя, так зачем и маяться так? Ей говорили все время, что она с Недолей родилась, потому что

подозревал отец, что не он , а князь был с матерью ее в ту ночь. Но доказать ничего не мог, да и попробовал бы. Но почему должна была страдать ее дочь.

Впрочем, Лада, нареченная так в честь древней богини никогда старалась об этом не думать.

- Что бы ни случилось, знай, что есть Киев, и тебе хорошо было бы хоть одним глазком на него взглянуть.

Она еще что-то хотела сказать дочери своей, но в тот момент появился Бату и шагнул к женщинам.

- Не печалься, я подарю тебе твой Киев, он будет твоим.

Они обе вздрогнули и посмотрели на парня. Все это могло показаться странной шуткой, если бы перед ними стоял кто-то другой. Но на этот раз шутка показалась Ладе зловещей, а Забава только смутилась. Она видела , как растерялась и рассердилась мать, понимала, что происходит это из-за нее, и не знала, что делать и как ей быть.

Чаще всего рядом с ним она чувствовала себя спокойной и защищенной, но порой, как теперь было что-то страшное и зловещее во всем виде этого богатыря. Он слышал разговор, и он никогда ничего не обещал просто так. Но того, что он покорит и разорит Киев, этого она больше всего и боялась.

До сих пор еще не смолкали разговоры о расправе деда его над князьями русичей. Там все было не совсем так, что-то приукрасили, те, кто хотел оправдать свое бегство, и лютую ненависть к завоевателям в душах поселить, и все-таки так и было, они были страшны.

И эти стоны, и крики она до сих пор слышала по ночам, словно они пробуждались для того, чтобы тревожить ее и мучить. Но оставалось только молить бога о том, чтобы не дожить до тех времен, когда вся земля русская покроется телами, и стонами, а тот, кто был так близко к ней и дочери ее поведет воином своих туда и довершит все, что еще не было сотворено.

Бату позвали в шатер к матушке, и тогда и решилась Лада рассказать старинную историю, которую от бабки своей слышала, но наверное, все повторяется в этом мире, она не просто дочь позабавить , хотела, а поведать о

том, как было все когда-то. Она знала, что эту сказку девочка запомнит и может быть потом, когда-то поймет и не осудит ее. Потому что после того, что с ней случилось, плен татарский в какой-то мере спасением для нее оказался, еще неизвестно, появилась ли бы девочка, если бы они остались тогда в своем мире, а татары не налетели на них черной тучей.

А история была такая.

РАСПУТНАЯ. КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ.

И снова приближалась эта ночь.

Забава вздрогнула и бросилась к окну. В хоромах было душно, а как тошно на душе, не передать словами.

Она знала, что княжеский пир завершится к утру, там оставался Егор, уверяя жену свою, что он должен быть при князе.

Глаза ее сверкнули яростно:

-Будь, - больше ей нечего было сказать тому, кто взял ее в жены, потому что должен был жениться, и что-то обещал ее отцу.

Она даже тогда его ни о чем не просила, хотя и знала, что лада никакого не будет в доме их. Но он был в княжеской дружине, а о большем ей мечтать и не приходилось. И только в ночь на Купалу могла она, прежде, до замужества, выбравшись из дома отгуляться за весь год и с тем, с кем хотела, однажды это был сам князь Святослав.

Хотя потом он делал вид, что ничего не было, но ее - то не обманешь. Она помнила эти руки, эти порывы.

Но как признаться грозному князю, что был он ласков и нежен с дочерью своего воеводы. Он даже предложил ей встречаться и дальше.

- Не бывать этому, - заявила девица.

Одно дело ночь на Купалу, и совсем другое ждать, страдать и верить, что ты единственная. А есть еще шесть его жен здесь, Малуша - княгинина наушница и холопка, которая зла, как собака и своего не упустит, и бог весть кто еще из тех, кого он по прихоти своей на этот раз выберет.

- Не бывать этому.

Он отстранился в тот миг от нее, посмотрел яростно и не поверил в то, что это она такое могла произнести. А потом, словно рукой махнул на такие дерзости. И снова его жаркие объятия, его руки, губы. Он был неутомим и ненасытен до рассвета, пока она не убежала, глядя на то, как князь спит, раскинувшись в траве.

Она не нужна была ему даже как наложница, но дерзости простить ей князь Святослав так и не смог, да и не хотел. И когда она стала зимой женой Егора, он только усмехнулся, позволяя ей сравнить каков он, и каков ее жених. Но она не сравнивала. Какая разница каков, с ним никто не сравнится, и не потому что он князь, и князья бывают захудалые, нет, он был лучшим из мужей, тайно-то себе в том она могла признаться.

Но на этот раз он не отпустил даже мужа ее в такую-то ночь. Словно толкал ее на что-то.

Старуха выросла перед ней, хотя вроде храпела.

- Куда это ты? Али забыла, что замужняя.

- Помню уж, - усмехнулась она.

- На князя своего не надейся, на каждую Купальскую ночь он себе другую выбирает, ни с кем ничего не повторялось, а уж с тобой и подавно.

Старуха все знала о том, что случилось тогда, она всегда оставалась ведьмой, но и это не смутило Забаву. Она увернулась от нее и вырвалась из комнаты, и побежала, будто за ней гнался кто-то.

- Беспутная, - прохрипела старуха, она знала, что та так поступит, как удержать ее старыми скрюченными пальцами ветер - не бывать этому. Да и то сказать с таким-то мужем и к черту рогатому убежишь.

Вспомнив про черта, старуха усмехнулась. Без него тут точно не обошлось. Он всегда водил Забаву, она-то даже видела его иногда, а слышала всегда и про себя назвала Тарасом.

- Я знаю, что ты задумал, - говорила в ту ночь старуха, - не смей своего князя развлекать, она еще девицы, а не баба.

- А я не князя, а ее хочу на ночку одну княгиней сделать, не каждому такое счастье выпадает.

- Да уж не каждому, а что потом.

- А потом, как у всех, муж беспутный и тоска зеленая.

- Ой, подлая твоя душа.

Конечно, ничего не видела старуха о том, что тогда случилось, она только заверила воеводу, что дочь его дома, и спит.

Он не особенно ей поверил:

- В такую-то ночь?

Но перечить не стал. Он вообще никогда не перечил ей. Однажды , в молодости попробовал, сделал не так как она говорила, и поплатился. Пошел на свидание с самой разбитной девицей, которую желал больше всего и добивался так долго. И что, старуха потребовала оставить ее, он оттолкнул и пошел.

Лучше не вспоминать - эту ночь. Ничего не вышло - он был бессилен, совсем, и кроме ее издевательства и хохота ничего не слышал больше. Сначала хотел задушить ее. Но вовремя опомнился, понимая, кого душить следовало, но старуха (она и тогда уже была стара) только сверкнула глазами:

- Потешился на славу, только явился больно рано.

И по виду ее он понял, что ей все было ведомо, словно и она стояла рядом с Анфисой и над ним хохотала, вот с тех пор он ей и не перечил, и не смел сомневаться в словах ее.

Только утром, он понял, что старуха его обманула, такой счастливой и окрыленной он свою дочь не видел никогда. Вот и поспешил ее замуж отдать, чтобы успокоилась, и лад в душе ее наступил.

Он и не знал, что не дожить ему до следующей ночи Купальской. Зато она с мужем своим останется.

№№№№№

Забава бежала к лесу, где давно гуляли молодые, она надеялась на то, что придет сюда с мужем, и хотя бы на этот раз переживет с ним хоть что-то волшебное.

Как светили звезды на небесах, как было красиво кругом.

- Каждая такая ночь неповторима, - услышала она голос Тараса, и разочаровалась.

- Это только ты

- Да уж, не князь, - хмыкнул он

Нынче ей все старались напомнить о том, что было в прошлый раз, и не повторится видно никогда больше.

- Уж хоть бы ты меня пожалел,- в сердцах бросила она.

- А что жалеть-то тебя, молодая, здоровая.

Она больше не произнесла ни звука. И рядом была тишина.

Когда кто-то взял ее и повел в лес, все время оставаясь за спиной, она пошла покорно, чувствуя только, что ее спутник высок. Какой-то шарф или повязка оказались на глазах, и она сама именно этого и хотела, не видеть того, кто будет с ней в эту ночь, ведь именно тогда можно будет придумать что-то еще, и мечтать, мечтать, мечтать.

Провал в омут, сначала кажется, что ты летишь, падение ощущается только в самые последние мгновения. И она пока ничего не чувствовала, а потом, потом она шла домой, совершенно счастливая, и сочиняла то ли былинку, то ли песню, да и какая разница, когда строки выливаются, вырываются прямо из души. Забава шептала про себя

А в темную ночь на Купалу,
я вышла из дома тайком,
Туда, где округа гуляла.
Не думала я ни о ком.
Но тошно и странно остаться,
где спит он, хлебнув медовухи.
И странная птица кричала,
и злобно смотрели старухи,

- Беспутная, черти с тобою,

забыла про долг свой и честь.
А мне захотелось с любовью
столкнуться, и коль она есть
За всю пустоту отгуляться,
забыться в объятьях чужих
О, как они там веселятся,
и он из тумана возник.

А кто? Я его не спросила,
откуда забрел не пойму.
Но странная дикая сила
толкнула внезапно к нему.
И времени ход не заметив,
Яриле смотрела в глаза
И был он то темен, то светел,
то грустен, то весел тогда.

Я знала, такое случиться,
могло лишь в Купальскую ночь,
И крыльями черная птица,
взмахнула, и бог мой у ног
Забылся на миг, не тревожил,
а я разрыдалась тайком,
Дурманное травное ложе,
и мы так свободны на нем,

Жалела потом? Да пустое,
я помнила после всегда
И тело его молодое,
и звезды глотает вода,
И темная ночь на Купалу,
таких не бывало потом.
Как долго еще я мечтала
о Боге своем молодом.

- Так и было, - усмехнулся Тарас, рядом, словно хотел подтвердить ее слова,

- Так и было, - повторила, словно эхо Забава.

И она ощутила, что времени не текло больше, потому что она была спокойна и счастлива, только одно мгновение, только одну ночь. Но разве для

счастья много надо? Когда много, его уже никак нельзя ощущать, тогда уже не праздник, а просто жизнь, а ей хотелось только такого праздника.

№№№№№№

В доме стояла. Она была уверена, что проскользнет к себе неслышно, но старуха снова появилась перед ней.

- Вернулась, а я уж мыслила, что в омут с головой.

- Ну, нет, - рассмеялась она,- я подожду еще одного Купалу.

- Ничего не будет, - отрезала старуха.

- Но мне и в этот раз казалось, что ничего не будет.

- А ничего и не было, твой-то все еще от князя не вернулся, и где его нелегкая носит, и это с молодой женой-то.

- И хорошо, никого зреть не хочу.

Она обняла старуху и закружила ее.

- Совсем ополоумела. Иди, ложись, праздник кончился.

- Праздник кончился, - повторила она и скинула с себя одежды.

На пороге, покачиваясь, стоял Егор. Он странно взирал на свою молодую жену и что-то шептал неразумное.

- Иди, иди, - подтолкнула ее старуха,- а ты в баню ступай, нечего заваливаться, грязным, и несет от тебя невесть чем.

И он подчинился Старухе и поплелся в баню, которую для него истопили в неурочный час.

- Я ничего не знаю, она меня послала, - обращался он к Баннику, зная, что тот не любит, когда являются к нему, нарушая заведенные порядки.

И тот ничего не стал делать, наверное, тоже боялся старухи.

Он упорно мылся, трезвея, и все время помнил, как обнажалась каким-то чудным образом его жена, и как она в тот миг была прекрасна.

Но отчего такая тоска и такая боль жила в душе его опустошенной.

Когда он вернулся в покои, Забава уже спала и улыбалась во сне.

№№№№№№

Замолчала Лада, молчала и Забава. У героини было ее имя, и не могла она понять, о прошлом ли говорит матушка или судьбу ее грядущую видит и знает она. Когда вернулся к ним Бату, досадуя на то, что его слишком быстро увели от них, он сразу же понял, что происходило там что-то странное, для него непонятное, а потому и хотел он узнать это, да упрямо молчала славянка. Его власть над ней была не так велика, как ему такого бы хотелось. Но и расправиться с ней не мог он, потому что был наказ деда, но не только наказ, а что-то еще больше, чему не было названия.

Забрал Забаву Бату, и повел ее на берег озера, ему хотелось еще какое-то время побыть с девушкой. Хотя именно о ней матушка и говорила, и требовала, чтобы он не выделал ее из всех. Она всегда так говорила, и всегда требовала, да что толку. Он слушал ее во всем, но здесь.

- Ведьма, - говорила мужу своему ханша, - она погубит твоего сына.

Но тот ничего не отвечал. Ему нечего было сказать. Когда отец назначил наследником его сына, мальчишка словно бы верх над ним одержал, и так было всегда с того рокового дня.

А еще хан понимал, что он скорее с ним расправится, чем позволит коснуться Забавы. И с этим надо было примириться.

А что еще ему оставалось.

ГЛАВА 3 О ВЛАСТИ, ХИТРОСТИ И СТРАСТИ

Говорят, что нет ничего сильнее и прекраснее самых первых чувств. Не потому ли трепетала юная дева, когда Бату приближался к ней. Они были слишком юны, и если бы не весть давняя о том, что она его ближайшая родственница, и дочь его деда, то давным-давно свершилось бы то, о чем рассказывала недавно в своей странной сказке матушке.

Когда Забава дослушала ее до конца и появился хан, она решила, что это знак судьбы, и может быть... Но нет, она была слишком разумна, ничего быть

не может. И хотя она не считала этот мир чужим, и верила в то, что он защитит ее даже от грозной своей матушки и от всего мира, но что-то более высокое и неземное останавливало в тот момент девуцу. Она поднялась, обняла его так, что хан затрепетал, и понял, что теряет голову, и исчезла. Исчезла вовремя. Забава всегда уходила от него вовремя, помедли она еще немного и все бы могло закончиться чем-то непоправимым. Еще раньше она слышала другую сказку о юных и прекрасных богах, только они ни о чем не знали. И когда Бату в прошлый раз взмолился, она остановила его и торопливо рассказала ту историю, которая ее и останавливала. Он лежал на спине, смотрел в небо и слушал ее. Ему даже голос ее просто нравилось слушать, а тут было еще что-то большее, и звучала старинная история о юных влюбленных под небесами.

Той ночью звезды падали с небес,
И в озере тонули без следа.
И мир в тумане медленно исчез
Остались только неба и вода.
И ночь была волшебной - блеск огня,
И страсти, и мерцание костров,
И вдохновенье, окрылив меня,
Несло на крыльях вдаль иных миров.

Все было прекрасно в небесных чертогах - никаких особенных волнений, после того, когда Ний и Змеи вернулись в царство тьмы. Все надолго успокоилось. И только среди богов происходили какие-то странные, а порой и грустные истории.

Но никакой беды бы не случилось, если бы бог Семаргл - первый из страстных и огненных созданий не захотел по земле прогуляться.

Тайные, даже ему неведомые желания теснились в душе его, полыхало пламя страсти, еще никак не проявившееся, но уже толкавшее его куда-то на землю. Сны снились такие, что дух захватывало, и так хотелось пылкому богу, чтобы сбылись они поскорее, и пусть он сторит дотла, но испытает это чудо - соединения с любимой.

И сам он дивился тому, что с ним такое твориться могло. Только ночью промелькнул он на полыхавшей во тьме колеснице своей, спрыгнул на землю и велел вознице появиться к рассвету.

- Не смей меня искать и тревожить раньше, не вернусь назад, пока не отыщу ее, не надейся.

Но кто она была, он и сам не ведал, во сне она, обнимая и обволакивая его ласками, все время ускользала, словно бы и не было ее рядом. Тайна и злила, и пугала и волновала Семаргла.

Прошелся по заповедному лесу огненный бог, то тут, то там первые костры загорелись от прикосновения его. Но он не замечал этого - в первый раз по земле шагал, и все новым и необычным казалось.

Тогда и всполошились духи лесные, - где это видано, чтобы огонь расхаживал по владениям их, и захотели они от него поскорее избавиться, пока беды не случилось.

Но не успели туда броситься, как появилась перед ним богиня ночи Купальница. Она молода и прекрасна была, только что Мрак едва от нее ушел, а уже и огонь перед ней появился. И видела она, как суетились остальные, его завидев. Но так захотелось ей в объятиях огненного бога побывать, что только их и видели, увлекала она его подальше в горы, кокетливо за собой маня., и Стрибог умчал их подальше. Повелитель всех ветров понимал, что ему больше всего от Рода и достанется, если еще Семаргл побудет тут да лес заповедный спалит.

Он спросил на всякий случай у Купальницы, не обижает ли ее Семаргл, но та только рассмеялась звонко, и эхо по горам покатилося. Он умчался прочь, не желая видеть того, что происходить будет. А они, не в силах сдерживаться и бросились друг к другу, радуясь, что все их оставили.

Как они метались, догоняя друг друга, как догнал и опалил ночь Семаргл, потом Баяны песни распевали самые чувственные, да такие, что захотелось и Велесу что-то подобное испытать. А он был самым страстным из всех и яростным, тогда и родился у него Ярило, и подарил он миру страсть неумную

и всепоглощающую. За это и был с небес на землю сброшен, но не особенно печалился, стал он здесь богом всего земного, и только над Перуном, в небесах метавшимся, посмеивался.

Но история бога Огня грустной оказалась. Поднялся он в назначенный час на небеса - на земле всегда было ему опасно оставаться, только на короткий миг и вырывался он сюда, и уносился туда снова. А Купальница на земле осталась. Да не одна, в назначенный срок, после всех страстей, с Семарглом пережитых, родились у нее близнецы. И сына Купалой назвала она, а дочку Костромой.

Еще в те времена говаривали, что когда близнецы на свет белый появлялись, то надо было ждать беды, не только среди людей, но и среди богов такое стряслось.

Но матерью она оказалась беспечной, и черная птица, посланная Нием, похитила мальчика. Не мог ей бог Тьмы простить того, что она отказала ему, а в объятя огня бросилась. Только дочь осталась у нее Кострома, и сколько не искал его Семаргл, сколько Ночь сама не металась, все напрасно, исчез Купала, словно его и не было.

Даже к Ладе - богине любви обращалась с мольбой, но та только усмехнулась и ничего не сказала ей, с Богом Тьмы, который и без того на нее был зол, она ссориться не хотела, ведь никому он не подчинялся, и всякого от него можно было ждать.

И оставил бы Ний Купалу навсегда во Тьме, но даже он Мокошь слушаться не посмел, ведь было написано в Книге Судеб, что вернется он в мир, который покинул когда-то и эта ночь будет самой счастливой в жизни людской, и будут сходиться там один раз в честь его возвращения Отец его, которому на землю спуститься позволено, и мать. И великие чудеса могут происходить в такую ночь.

Но не бывает радости без печали. Было и другое в той книге отмечено, то, о чем даже Берягини - помощницы богини Судьбы говорить не могли, да и не хотели особенно.

А случилось это в момент возвращения из другого мира Купалы. Бросился он в тот мир, о котором не помнил, ничего не знал, но от этого он ему еще прекраснее казался. И такие там красавицы встречали его в эту ночь и улыбались ему, что огонь, который отец в душе его зажег, только ярче и ярче загорался. Никто не мог заснуть в такую ночь. И среди встречавших Купалу была и красавица Кострома - гордая и непреступная. Ни за кого она замуж не собиралась, не человек, а бог ей нужен был. Не могла Леля терпеть такого, и решила она несносной девице отомстить, и невидимая рука сорвала с ее головы и бросила в воду венок, который вместе со всеми плела себе Кострома..

И все она сделала для того, чтобы именно этот венок Купала и взял в руки, а потом еще улыбалась загадочно.

Кострома и опомниться не успела, как увидела, что нет венка на голове у нее. Но он в руках юноши прекрасного был. И, спрыгнув на берег, тот стал спрашивать у девиц его окруживших, кому этот венок принадлежит.

Расступились они, не скрывая своего разочарования. Можно было и обмануть Незнакомца, да себе дороже, что потом будет и представить трудно. Не стали они этого делать, не могли и не хотели.

Так и оказался в один миг Купала перед Костромой. И пошел к ней вместе с венком. А она уже и не упрямылась так, потому что как только взглянула на него, так и поняла, что в нем вся жизнь ее. Никого прежде не любила она, но час ее пробил.

- Видно, боги так того желали, - услышала она голос, а в нем звучала музыка

И отрешившись от земных сует,
И растворяясь в призрачных мирах,
Мы видели и звезды и рассвет.
И продолжалась в вечности игра.
И были боги юные мудры,
И были девы тайные прекрасны,
В такую ночь стихии мы верны,
И торжествует жизнь, и смерть безгласна.

Так потом пели об этой ночи влюбленные, но в тот момент, когда Купала встретил Кострому, и страсть оказалась неодолимой, и произошло самое страшное из всего, что могли подарить им боги.

Забыв обо всем и обо всех, они оказались в объятиях друг друга, и знали, что раз венок оказался в его руках, то должен он быть с ней и в эту ночь и всегда, и жениться должен.

Но никому никогда неизвестно, что происходит на самом деле, чего хотят от чад своих боги, на что они нас толкают.

Рад был такому выбору Купалу, радовалась и Кострома, особенно после того, как в свете луны все совершилось, и первая страсть великолепна, с ней ничто сравниться не может, да немного радоваться им пришлось.

Где в это время Купальница была, куда она укрылась, или не позволили ей вмешаться, кто знает, только после ночи ворвалась она к Семарглу на небеса и рассказала ему о том, что с их детьми произошло. А Берегиня уже Костроме обо всем рассказывала.

Та не поверила сначала, ведь знала от Лады самой, что не может брат мужем стать, не должно так быть. Но Берегиня не шутила, это от Болотницы такого ожидать можно было. И когда та, как, всегда подслушав их разговор, захохотала дико на весь лес, подтверждая, что случилось непоправимое, бросилась к ней Кострома, чтобы наказать злобную деву, но больше никто ее не видел в этом мире.

Так появилась русалка в заповедном лесу, - самая печальная и молчаливая из всех, и если другие рассказывали о том, как их обманули и бросили, как клятвы нарушались, то она всегда молчала, потому что ее любимый ни в чем не виноват был, он просто не ведал о том, что творилось.

И когда зажгли той ночью костер, и Купала понял, узнал от отца своего, что же произошло, куда его любимая исчезла, он так расвирепел за то, что отец не остановил их, да и бросился в огонь, ни о чем больше не думая, да и сгорел в неравной борьбе с пламенем.

Но Лада потом говорила, что не собирался он жить в этом мире в одиночестве, потому сам и оказался там, а Семаргл даже спасти его пытался, да ничего у него не вышло.

Когда узнала русалка о том, что случилось с ее братом и любимым ее, то и вовсе говорить перестала. Никто никогда не слышал ее больше. Только цветы она рассыпала в память о Купале.

А он возвращался один раз в году в этот мир, чтобы взглянуть на других влюбленных, тех, кого не обманули боги и позволили любить и быть вместе - они безумцы, но счастливые безумцы, им дано слишком многое, но разве многие могут сохранить этот чудный дар.

А потом, когда расходятся влюбленный в укромные места, он бродит по лесу в одиночестве (ни одна земная дева больше не может увлечь Купалу), и ищет Кострому. Но ни разу за все время не появлялась молчаливая русалка перед ним, потому что слишком грустная это история, а ночь так прекрасна. Но порой, укрывшись в ветвях дерева - русалки выбирают на землю в это время, она издали смотрит на Купалу, но не плачет, потому что не хочет, чтобы боги, так с ними поступившие, видели ее слезы. Да и ночь эта такая прекрасная.

И ночь была волшебной - блеск огня,

И страсти, и мерцания костров,

И вдохновенье, окрылив меня

Несло на крыльях вдаль иных миров.

И замолчала Забава, молчал и Бату. Он понимал, что и у них могла быть такая единственная ночь, но если потом ему с ней придется расстаться, то он не хотел этого, не хотел и допустить никак не мог.

И в минуты отчаяния, когда страсть захватила его душу, он понимал, что должно произойти что-то такое, хотя и не понимал, что это может быть, что освободит их от страшных табу, и тогда, все дни и все ночи он отдаст ей.

Запретный плод во все времена и для всех был сладок, кто бы с этим мог поспорить. Но хан знал, что он не остановится там, где другие бы просто

развели руками и смирились со своей судьбой. Он добьется своего, хотя пока и не знает как, но какой-то выход обязательно должен быть и в этом тупике.

№№№№№№№№

А когда Забава вернулась в свой шатер, было уже довольно поздно. Она невольно остановилась, потому что услышала голоса. Голос мужчины был ей знаком, хотя она никак не могла понять, кто он такой. Но матушка просила его сохранить свою жизнь, и он пылко клялся ей в том, что так и будет.

Слушая их пылкие речи, от матери она не ожидала такого, она не знала, радоваться ей или печалиться. Но в тот же момент решила, что попросит Бату о том, чтобы он позволил им быть вместе. До сих пор она не подозревала о том, что мать была хоть с кем-то, такой одинокой и несчастной она казалась, и вдруг, это не могло не радоваться девушку, но и тревожило немало.

И когда хан обнял ее. Он помедлил, а потом пошел за ней, чтобы ее кто-то ненароком не обидел по дороге.

- Что случилось? - тихо спросил он.

- Там у матери кто-то есть.

- Ей грозит опасность?

Они отошли подальше и он порадовался тому, что может еще побыть с ней.

- Я даже догадываюсь, кто это, - в темноте усмехнулся Бату.

Он прекрасно помнил и различал голоса и своих и чужих.

- Ты позволишь им быть вместе?

Она приблизилась к нему, в такие мгновения, не только Киев и Темника, но и весь мир он готов был отдать ей, а если бы кто-то осмелился вонзить ему нож в спину и это бы не удивило и не смутило его, но прежде он обнял бы ее так, что смог бы пережить то, о чем не стоило даже мечтать, так тяжело и невозможно это все казалось.

- Пусть будет по-твоему, - услышала она его голос.

В это время Темник вышел из шатра, они еще немного постояли в тени, потом она отошла от него, и направилась в шатер. А сам Бату стал догонять этого человека, ему надо было поговорить с ним о многом, и о славянке в том числе. Если он что-то обещал Забаве, то должен это исполнить.

Темник сразу же понял, что хан слышал его разговор. И он почувствовал, что нож вонзился в спину его. Но он не испугался. Пусть лучше так, чем эти муки и страдания.

Он не сразу понял, что говорит Бату, а тот между тем продолжал.

- Забава говорила о вас с ее матерью, а ты же знаешь, как много она для меня значит. Если бы она не была наложницей деда моего, но Забава просила меня, и мне удастся уговорить мать.

Темник молчал, он не находил слов, чтобы поблагодарить его. Но хана уже не было рядом. И благодарить ему было некого.

Он смотрел на луну и никак не мог поверить в то, что та, которая была так же далека, как это светило, неожиданно приблизилась. Теперь до нее рукой подать.

Нет, это не могло быть правдой, и все-таки было.

Чего только не случается в этом странном и таком непредсказуемом мире.

ГЛАВА 4 О НАПРАСНОЙ СУЕТЕ КНЯЗЯ МСТИСЛАВА

А тем временем спокойно и размеренно текла жизнь на Руси. Стали забываться грозные события связанные с этим иродом Чингизом, как называли хана старики. Они радовались, что он помер, и след его простыл, и надеялись на то, что чума миновала, хотя в это не особенно верилось, потому что татар все время, как сора диких птиц, оставались где-то за спиной.

Неспокойно было на душе у князя Мстислава, он понимал, что не стоит успокаиваться, то там, то здесь на порубежье горели русские земли - леса выгорали дотла.

И знал он старую сказку о том, что если умер ворон, то всегда найдется несколько воронят, которые еще только должны утвердиться в этом мире. И что-то подсказывало ему, что именно с их земель и начнет молодой хан завоевывать свой мир, потому что не дошел до них грозный хан. А он покажет и деду своему и всем остальным, что пошел дальше и взлетел выше.

На город смотрел князь Мстислав, на воинов своих не особенно бравых, с которыми не победить эту саранчу, уж он-то не в одном сражении был, и в том кровавом побоище смог спастись от Чингиза и вернуться на земли свои. Только недаром говорилось, что наступят времена, когда живые позавидуют мертвым. Им-то что с небес смотреть, а ему еще сражаться надо будет. И хотя сам князь отличался и храбростью и жестокостью даже, но понимал, что этого мало для того, чтобы с ордой справиться.

Тихо и горестно было на пиру, а когда появился испачканный грязью и кровью рязанский князь и рассказал о набеге, то совсем тяжело стало ему в те минуты. Только что-то заставило встрепенуться и очнуться.

Он увидел перед собой вместе с ним прибывшую девицу. Вернее, сначала он даже и понять не мог, кто перед ним, но когда она плащ сняла, и золотистые волосы невольно распустились по плечам, то стало понятно, что это дева синеокая, и что-то пронзило сердце старого князя. Конечно, она была юна, но так похожа на ту, которую он любил когда-то, да пришлось оставить, когда на Калку отправлялся. Она увязалась за ним, хотя и свирепел он, и требовал, чтобы оставалась у себя, да не послушалась, у ведьмы в лесной избушке и осталась Лада. А потом, когда все были убиты, а ему бежать пришлось, он не смог до нее добраться, потому что, узнав, что князь перед ними, гнались за ним татары по пятам и останавливаться не собирались они. Если бы он и захотел, то не смог бы вырвать ее оттуда, и надеялся только на

то, что ни старуху, ни Ладу не тронут они, потому что боялись ведьм и колдовства больше, чем мечам и другого оружия.

А потом, когда успокоилось все, и он вернулся, старуха, угрюмо взирая на него, и сказала, что за каким-то Окаянным гнались татары, и ворвались они к ним.

- Где Лада, - бросился он к старухе.

- А ты на меня - то не прыгай больно, прежде думать надо было, а теперь - то что, у них она, с ними и останется видать навсегда.

И ему это понятно стало, и он знал, что не вырвать ее из рук хана, пока не вырвать, а потом? Да что говорить о том было.

Так и уехал он. Напрасно старуха грозила ему, ничего он больше не боялся, понимая, что потерял даже больше, чем думал сначала. Почти все было у него теперь потеряно, негде взять, некуда податься, кроме мира своего, которому все время грозила опасность. И не мог он от этой опасности никого и ничего избавить. Не мог забыть и Забаву, как не пытался. И в каждой девице видел ее, и в каждой видеть хотел. Но на этот раз, когда рязанская княжна почти из пекла пожаловала, показалось ему, что это она и есть.

- Лада, - ступил он к ней.

Девушка в страхе отпрянула, она не понимала, что происходит, ей казалось, что от чужих они чужом спаслись и к своим пришли, но так ли это было, кто его знает. Каким-то странным был князь Мстислав.

- Меня зовут Анна, - наконец произнесла она.

- Лада, Ладушка моя, я так и сказал, - не унимался он. И еще дальше от него попятилась девушка, оглядываясь на брата своего.

И тот не знал, что делать и как быть. Жесток и грозен был князь, но и отдавать старику сестру свою, которую он спасал от полона, он не собирался. Но он понимал и другое, перед ним они так же беззащитны, как и перед грозным ханом.

Но все разрешилось для Анны само собой, потому что в тот момент, когда князь приблизился к ней, он вдруг остановился и замер, и понял, что это не

она. Это слишком молода, почти ребенок, а у той уже дочь могла бы быть такая, если бы он не бросил ее тогда, если бы они были вместе.

Такой юной и прекрасной она могла приходиться только в сны его, а в жизни, если она еще жива, то видно одинокая и брошенная всеми женщина, которая никогда не позволит, чтобы ее жалели. Да он и не собирался ее жалеть. Он бы на коленях о прощении ее просил.

№№№№№№

После столкновения с княгиней Анной, князь Мстислав окончательно потерял покой. Он понял, что должен отправляться в татарский стан. Это решение стало таким неожиданным, что он и сам этому дивился, но ему следовало пройти это унижение и договориться обо всем с ханом. Сын грозного Всеволода Большое гнездо, который всегда считал себя Великим князем, рвется в Киев, и ему без поддержки хана не удержаться. А отправляться снова в Галич после всего, что было пережито, совсем не хотелось, потому он и понял, что должен быть в орде.

Он был уверен, что юный хан будет на его стороне, а уж он найдет, что ему пообещать. Но самое удивительное, что толкало его туда - это желание снова встретиться с ней, узнать, что Лада жива и невредима, и если получится, а у него обязательно получится, забрать ее назад. Он не мог ее оставить там, да и не хотел оставлять. Столько лет, столько мук прошло, он должен поселить ее рядом и искупить свою вину перед брошенной женщиной, за нее он заплатит столько, сколько не попросит хан, потому что знал князь Мстислав, что не будет ему покоя ни на том, ни на этом свете, он должен что-то для нее сделать.

№№№№№№

Вечером на пиру сообщил князь Мстислав о своем решении отправиться к татарам. Воины его хранили молчание, и гадали, кому из них придется отправляться с ним - никакого желания не было ни у кого, но он их и не спрашивал о желании. И если он, уже однажды там бывший, снова готов туда ринуться, то, что остается делать им?

Воины понимали, что пережить им предстоит немало, да куда деваться.

№№№№№

Они появились перед татарами на рассвете. И первую, кого увидел князь Мстислав еще до вторжения к Батухану - к нему все время не пускали, хотя и видели татары, кто перед ними находится, первой оказалась Лада.

Когда она услышала храп коней и вышла на улицу из шатра, она еще не видела самого князя, но поняла по говору, что это русичи. Она и боялась их, и чувствовала себя неуютно, но и хотела взглянуть на них сразу.

- Лада, - услышала она рядом, но где-то сбоку его голос, - Ладушка, ты жива.

Она отпрянула от человека в дорогих одеяниях.

На этот раз, впервые за много лет он никого и ни с кем не перепутал.

Она молча стояла перед ним, и знала его и не узнавала. Сколько раз представляла она себе эту встречу, да все никак представить не могла. А вот ведь рассвет, солнце выкатывается из-за туч, и в тот самый миг она и шагнула к нему навстречу, и зная, и не зная, что единственный из всех на земле, кого она любила, а потом так же яростно ненавидела, находится здесь.

Трудно сказать, что могло произойти дальше, но в тот момент и появилась Забава, и выглянула из-за ее спины.

Она видела русичей и прежде. Но тогда не чувствовала, чтобы мать так терялась и замолкала. И он сам, этот человек с седой бородой в дорогих нарядах с кольцами на пальцах, он стоял перед ней и о чем-то говорил. Она плохо понимала его слова, хотя и старалась помнить их язык, они вместе с Бату учили его когда-то, и знали, что когда она вернется в Киев, он будет ей необходим, там все так говорят.

Но странно голубые глаза этого человека уже впились в нее, словно он пытался ее узнать, и пронзить насквозь.

И тогда он отвел Ладу в сторону и склонился перед ней.

- У тебя есть дочь, Ладушка.

- За столько лет жизни здесь, что в том удивительного, татары любят славянок, да и ты вроде когда-то любил, - бросила она, и отстранилась от него.

Он хотел ее еще о чем-то спросить, но в тот момент появились татары и потребовали через пленного русича, который понимал их язык, потребовали, чтобы он отправлялся к хану. Князь Мстислав подчинился, он был в чужом мире, и не собирался противиться и заставлять их злиться.

Лада так и осталась стоять перед нею. Она молчала. И Забава ни о чем не решилась спросить свою мать.

Но это была не просто встреча с теми, среди которых она жила когда-то, она наверняка знала этого человека. И что-то было такое. Но об этом лучше не думать и не гадать.

№№№№

Бату был недоволен тем, что этот русский явился без всякого предупреждения, когда ему того захотелось самому. Но он понимал, что это один из самых сильных князей, и его пока надо было оставить в Киеве, до тех пор, пока он не поднимет воинов своих, и не отправится туда сам.

Только взглянув на князя, имени которого он никак не мог запомнить, он понял, что тот кого-то тут встретил из своих и эта встреча нарушила его покой.

Но ему некогда было разбираться в чувствах, надо было договориться с ним обо всем и поскорее отправить назад.

И князь говорил о деле, и убеждал его в том, что только он может хану верно служить, но сам в тот момент вспоминал свой сон. И там был эта девушка, сколько раз она являлась к нему.

Лада ничего ему не сказала, но он знал точно, он был уверен в том, что она - его дочь, никто не мог его в том разубедить больше.

И только когда хан начал сердиться, он отвлекся от своих странных мыслей.

ГЛАВА 5 СТОЛКНОВЕНИЕ

А потом когда он шагал по этой земле, князю Мстиславу казалось, что мертвые его соотечественники стоят перед ним толпой, смотрят на него и стараются не пропустить туда, куда он рвался. И снова, как и когда-то он рванулся от ханского шатра прочь, как только убедился в том, что добился всего, чего ему хотелось, он пока получил Киев, и князь Ярослав Всеволодович не сможет туда сунуться. А потом будет видно, что и как делать нужно.

И только в последний миг он снова остановился перед шатром и замер. Там была Лада, постаревшая и усталая, но это была его возлюбленная, и его дочь.

И он понимал, что не может уехать без них во второй раз.

Хан слушал в это время одного из своих воинов, который рад был ему служить, знал больше других или только делал вид, что знает, но он говорил о том, что Мстислав столкнулся с Ладой, еще до того, как у него оказался.

Хан поверил ему, потому что и сам видел каким взволнованным и отрешенным был тот, кто сам к нему явился и проделал такой долгий путь. Другое дело если бы он звал его сюда и ждал.

- И что ему нужно от нее, - спросил он небрежно.

Он был уверен в Ладе, хотя странной казалась эта уверенность, и не сомневался в том, что она не станет служить князю, который ее предал, даже если она и была его наложницей.

- Он говорит о том, что дочь его.

Как этот разговор услышал и понял парень, было непонятно, возможно он сам что-то придумал для пущей важности. И подивился реакции, которую это имело на князя, потому что тот подскочил и рванулся туда. Воины едва успели перед ним расступиться.

Он знал точно, что всякое может случиться, вряд ли тот постарается увести ее с собой, тогда он погубит всех, об этом только полный глупец не догадывался, но что было такое, что не позволяло ему больше на месте усидеть? Как это можно было знать наверняка.

К шатру Забавы он успел в тот самый момент , когда князь был уже там, и схватился за нее.

- Я не уеду без тебя, - говорил он сердито, даже если твой сопливый хан прикажет убить меня.

- Слишком много времени прошло, возвращайся к себе, тебе предстоит нелегкое испытание, и я должна быть здесь, рядом с ним и нашей дочерью.

Она говорила так, словно могла что-то изменить в этом мире, но что может слабая женщина, половину жизни проведшая в плену.

Они оба повернулись, когда услышали голос хана.

- Я не позволял тебе вмешиваться в жизнь моих людей, - почти рявкнул он раздраженно.

Князь только покосился на него, но ничего не сказал.

Воины стояли за его спиной, и жестом он приказал арестовать князя Мстислава, который уже не смог бы уйти, если бы и захотел, но он даже и не пытался сделать этого в тот момент.

Лада бессильно отпустила руки, она знала, что он вернется на этот раз, словно можно еще что-то исправить, догадывалась о том, что все это так и закончится. Тот, кто любит славянских женщин, терпеть не может мужчин, и при той силе, которой он обладает, он отстранит со своего пути любого, кто бы там не оказался. Но князь Мстислав не мог знать, что он покушается, на ту, ради которой хан готов покорить этот мир. Ему были неведомы такие тонкости.

И Лада знала, что сон ее о столкновении с князем закончится плачевно, хотя во сне он просто уходил от нее, но скорее всего он уйдет к праотцам. И она понимала, что должна заступиться перед мальчишкой, которого почти сыном считала. И он не сможет ей отказать, но что-то в душе ее перевернулось, и она не стала этого делать. Откуда-то из темноты рванулась Забава.

Князь, приготовившись к казни лютой, еще не знал, что он спасен. Она встала перед ним во всей своей красе.

- Отпусти его, Бату, - тихо, но твердо произнесла девушка.

- Почему, если он хотел обидеть тебя.

- Он не мог обидеть меня, потому что он мой отец.

- Это правда, значит это правда, - вспыхнул юноша. Он не верил своему доносчику, не мог поверить, потому что боялся, потом разочароваться, выяснить, что тот просто выдал желаемое за действительное. И все вернется на прежние места.

Лада молчала, но по ее молчанию он понимал, что Забава не лжет, да и не стала бы она выгораживать чужого человека.

Еще мгновение он раздумывал, а потом махнул своим воинам рукой.

- Забирай своих и уходи, и не смей к шатру приближаться, во второй раз я не отпущу тебя.

Князь медленно пошел к выходу. Он понимал, что ему сохранили жизнь, но, даже найдя здесь своих женщин, он снова должен их оставить, как можно было пережить и понять такое? Он не знал этого. Но пообещал мысленно, что снова к ней вернется, как только сможет. Ей не придется ждать больше так долго.

Бату вышел из шатра, где все и происходило, и смотрел, как удаляются всадники. Они не о чем не говорили, слышно было только храп коней и шуршание листьев где-то высоко. Те, кто чудом ушли от смерти, не могли говорить. Да они и понимали, что князь яростно на них обрушится, о чем бы они ни сказали, чего бы ни хотели. Там происходило что-то непредвиденное, о чем даже самые его дотошные воины ничего не ведали, и не понимали. Какой черт повел его в этот шатер, что ему там было нужно. Но они подозревали, что никогда этого и не узнают, зато Бату ворвался назад к Ладе и схватил ее за руку. Он больно сжимал запястье, но, кажется, даже сам не замечал этого.

- Я плохо понял, о чем вы тут говорили, но скажи мне, это правда, Забава его дочь, или она просто хотела спасти его.

Лада молчала, но он видел, что это молчание было красноречивее любых слов.

-Она его дочь, - повторял Бату.

Он радовался, но так, что сам все еще не мог выразить своей радости, она казалась ему невозможной, и так думал тот, для которого ничего невозможного вообще не могло существовать.

Она его дочь, но почему же ты молчала так долго, как ты могла.

И на это ничего не сказала Лада. Если бы он не знал, что она умеет говорить, то посчитал бы, что она немая. Но какое это имело значение, если он знал самое главное - Забава не была его родственницей.

Ни одна победа, ни один триумф не заставит хана Бату задохнуться, и стоять неподвижно, не в силах даже радоваться, это было только один раз в жизни, в тот день, который начинался так скверно и ничего хорошего ему не предвещал

ГЛАВА 6 И ДЕСЯТЬ ЖЕН, И ДЕСЯТЬ ДЕВ

И десять жен, и десять дев прекрасных
Служили верно хану своему.
А эта и уныла и безгласна.
Ни ласк, ни слов, зачем она ему?

Но он ее опять зовет упрямо.
И будет длиться бесконечно ночь.
То яростен, то ласков, вечна драма.
Но хан влюблен, и ей уж не помочь.

И жизнь течет устало и уныло,
И злятся жены дивные напрасно,
Она его тогда не полюбила,
Таинственно, рассеянно опасно
С ней оставаться яростному хану,
Но он опять судьбу свою пытается.
Страшна игра, о, как она желанна
И с упоением грозный хан играет.

И десять жен, и десять дев прекрасных,
На звезды глядя, плачут до утра,
И лишь одна - уныла и безгласна,
Глупа безмерно, или так мудра,

Что от себя его не отпускает,
Все зная, и не зная ничего,
В его объятьях страстных замирает.
И в бездну грез опять влечет его

Светило луна во мраке, она казалась особенно прекрасной и недоступной Великий хан, наконец, остался один. Такое случалось редко. Они никак не могли оставить его в покое: свои и чужие. Но были ли тут свои? Все чужие, и те, кто дары приносит, и льстит без меры, и те, кто жен своих готов подарить на одну ночь, и рад, если он окажет милость. Этим он презирал особенно, и расправлялся с ними без всякой жалости.

Хан вспомнил о женах, и о ворчании матери. Он давно не звал ни одну из них к себе в шатер. Возникают ссоры и подозрения. Слово и здесь он уже не волен делать то, что хочется и жить так, как хочется.

Но знал грозный хан, почему она упрекала его. Она снова о Забаве думает. Здесь они с матушкой едины, он тоже думает в последнее, да и не последнее время только о ней.

С той минуты, когда ему удалось вырвать у ее матери признание о том, что она не дочь его деда и никаких родственных уз нет, он словно бы с ног на голову перевернулся. Этой дикой и вздорной славянке так долго удавалось хранить свою тайну. Он столько лет считал ее близкой родственницей, что и подумать не мог о том, о чем теперь не может не думать. Но когда в гневе, а хан умел пытаться своих подданных, особенно когда хотел чего-то добиться, он был настолько хитер и изворотлив, что и глухой услышит, и немой заговорит, вот и Лада выпалила, бросив ему прямо в лицо:

- Она, дочь князя Мстислава, но он сбежал и бросил нас с ней, что мне было делать, когда я стала вашей пленницей.

В тот момент он остановился, замер, словно в спину его кто-то уже выпустил стрелу, а потом очнулся и захохотал.

Он хохотал так громко и долго, что несколько воинов ворвались в шатер, но он приказал им снова удалиться резким движением руки.

Если они думают, что эта женщина, которую он боялся меньше, чем самых близких своих родственников, даже собственную мать, причинит ему вред, то они непроходимо глупы. И нет им места рядом с ним. Нет, она принесла ему лучшую в мире весть. Никто не мог сделать ему такого подарка, только она. Таким счастливым он не был никогда прежде, хотя возможно теперь его и надо охранять, только не от нее, а от него самого. Но и с этим грозный хан управиться как-нибудь сам. Но как она могла молчать так долго. Хотя, ее никто ни о чем не спрашивал. Вероятно с потрясателем миров, его грозным дедом, которого он помнил смутно, была у нее только одна ночь, как он всегда поступал со своими бесчисленными наложницами, а потом ему доложили, что родилась девочка, но он не помнил лица той, которая пришла во тьме и во тьму ушла. Ее не отпустили, потому что она носила его ребенка, но вряд ли и помнили в этой разноцветной и такой многоликой толпе.

А она никому ни о чем не рассказывала. А если бы была так глупа, что рассказала, тогда бы не видеть ему ни Забавы, ни всего, что с ней было все эти годы связано - светлые волосы и голубые глаза, две звезды, которые всегда и везде были с ним. И когда он клялся, что покорит мир и подарит ей неведомый Киев, о котором она так часто говорила. Он и понятия не имел о том, что она не его сестра, не родственница никакая.

Он приказал Ладе удалиться и остался один.

- Что будет теперь? - спрашивала себя, наконец пришедшая в чувства, и осознавшая, что она натворила, несчастная женщина.

Он распорядится прогнать ее, и она вернется к своим, хотя родичи давно ее похоронили. Но разве не об этом она мечтала все годы. Но она помнила лица пленников - русичей, с которыми приходилось здесь сталкиваться, сколько ненависти, ярости, злобы было написано на них, если бы не воины, они бы растерзали ее. Разве не то же самое будет и там, куда ей нужно было возвращаться.

Но ведь не возвращение к своим беспокоило и волновало ее больше всего, вовсе нет. Да и Батухан уже отдал бы приказ о том, чтобы она убиралась, но ему так мало дела было до того, где она останется, здесь или там, и никому он не выдаст ее тайны, того, что вырвал нынче у нее. А если бы и сказал матери своей, то она никогда бы не поверила, потому что ей не нужна та правда. Она тоже давно видела его странные отношения с ее дочерью, не потому ли так часто напоминала о том, кто она такая, и новых жен для него подбирала и приводила, и была одна краше другой. И каждый раз он усмехался, и притворно с ней соглашался.

Она говорила всем, что сын ее страстен и ненасытен, как и его отец, ей так проще было себя успокаивать. И только Лада знала, что он меньше всего похож на своего отца и, особенно на деда своего. Нет, две женщины - татарка и славянка знали его тайну, и каждая из них многое бы отдала, если бы убедилась в том, что она ошибается. Но не было никаких ошибок. Не потому ли нынче она пережила во второй раз страшное насилие, хотя он и пальцем ее не коснулся. Но как ему удалось вырвать признание. Почему она сказала то, о чем клялась (и страшными были клятвы) молчать.

Сначала ей хотелось вернуться в его Галич, пройтись по княжескому дворцу вместе со взрослой дочерью, распахнуть двери, оттолкнув охранников его, предстать перед князем и сказать:

-О великий князь (он никогда не был великим, но всегда об этом только и мечтал), вот твоя дочь, ты бросил нас с ней в плену, но мы там выжили и вернулись.

И взглянуть на его божественно красивое лицо. Он действительно отличался в юности почти божественной красотой, она это хорошо помнила, и просто посмотреть на него. Что скажет он на это, что он вообще может сказать, даже если и вспомнит о ней. Прошло столько лет, у него было столько жен и наложниц, что где-то затерялась юная красавица, ставшая почти старухой на чужбине. Зачем ему это помнить.

И она не хотела туда возвращаться. Говорят, что прошлое всегда прекрасно, она такого о своем прошлом сказать не могла.

Но что думал, чего хотел теперь хан, ведь не о князе, а о нем должна она думать, потому что все совершается не в княжеском дворце, к которому давно заросли стежки и дорожки, а в ханском шатре, где Батый узнал то, что лучше ему было не знать никогда. Но разве в детстве еще, когда она видела, как он смотрит на Забаву, как он все время хочет оказаться рядом с ней, она и не помнила ее без этого мальчика, разве уже тогда не хотелось ей стать безрассудной и выдать свою тайну. И как только сил хватило ждать столько времени.

№№№№

Хан раздумывал не долго. Он решил сейчас же увидеть Забаву. Он еще не знал, что ей скажет, и как себя вести будет, но он знал, что должен был видеть ее, где бы она ни была и что бы ни делала. Сначала он хотел призвать ее к себе, но понял, что об этом станет известно матери, а терпеть ее упреки он не собирался, потому поднялся и отправился в кромешной тьме туда, путь куда знал и с закрытыми глазами. Если он когда-то ослепнет, то эту дорогу, может, единственную будет помнить всегда.

Он приказал служанке разбудить ее, и та сначала не узнала его во мраке, но голос нельзя спутать ни с каким другим. И она пошла.

Забаву сидела на ложе своем. Она удивленно на него взирала, он никогда не врывался к ней среди ночи, в то время, когда должен быть с одной из своих жен.

- Что-то случилось, о, грозный хан, - спросила она.

Не было ни лести, ни даже почтения в ее голосе. И потому ему радостно было слышать это от нее. Она словно насмехалась над его величием, и это казалось ему забавным, когда все остальные прогибались и лгали безбожно, она была настоящей. Так могла вести себя только та, с которой был он с

первых дней, и если бы даже он стал богом, она не изменилась бы по отношению к нему, за это он так любил ее всегда.

Это может оценить тот, кто власти хлебнул, как дорогого вина больше, чем следовало, и потому оно не только не радует, но приносит разочарование и страшный вред.

- Случилось, звезда моя, - так он называл ее всегда, когда матушка сказала о том, что у него будет семь звезд, когда он подрастет.

Она говорила это, когда снова увидела их вместе и пыталась подчеркнуть, что он получит все, что хочет, кроме дочери деда своего.

Тогда он и сказал ей, что ему не надо так много, звезды ему и одной достаточно. Матушка выполнила свое обещание, их уже было десять, но она так и осталась в сердце его единственной звездой.

- Я говорил с твоей матерью.

- С ней что-то случилось.

- С ней ничего не может случиться, пока она здесь, ты же знаешь это.

Он хотел еще что-то сказать, вероятно, самое важное. Но в тот момент страшный шум раздался за стенкой шатра, хан поспешно вышел.

Забавка так и осталась сидеть. Она ничего не понимала и только спросила служанку, о том, что там происходит. Но ответа не требовалось. Слушались голоса, речь, на которой говорила матушка, и в детстве учила ее. Она далеко не все знала и понимала, но поняла, что искали хана, не обнаружив его в своем шатре, и оттуда из Киева прибыла посольство вместе с великим князем Ярославом.

Столько людей шли где-то рядом и говорили по-русски, что слезы невольно хлынули из глаз ее. Увидит ли она тот мир когда-нибудь, будет ли знать о том, что потеряла, или никогда не имела, так ли он прекрасен, как говорит матушка. Почему родичи ее бросили их и даже не пытались освободить. Конечно, она им принадлежит только наполовину, но ведь наполовину принадлежит, и это не ее вина, то, что они остались здесь, и хан

был всегда более великодушен и добр (как странно так думать о нем), чем свои.

Горькими были мысли славянки, она разрыдалась от бессилия, и забыла даже о том, что Бату зачем-то к ней среди ночи приходил, что-то говорил о разговоре с матерью, но что такого она могла ему сказать, чего они оба еще не знали в тот момент.

Хотя у нее всегда оставались какие-то тайны, она и сама почти никогда не понимала и не знала ее.

Там все успокоилось, воины нашли своего хана, и он пригласил князя Ярослава к себе. Хотя быть ему сейчас хотелось не с ним, а с Забавой, но это пока было невозможно, коли он пожаловал даже скорее, чем они ждали, надо все разом и решить с ним.

Грозный хан тяжело вздохнул, он никогда не принадлежал сам себе. Вместо того чтобы обнимать гибкий стан одной из жен своих, он должен вести беседы с человеком, который не может защитить свой мир, и пришел к нему с мольбами и просьбами бесконечными. И он должен слушать его и говорить, а что еще остается, но у него тоже голубые глаза и светлые волосы, и только это заставляло как-то смириться хана со своим унылым положением.

- О чем думает этот надменный человек, что он даст, а что не даст им всем, будет ли передышка, сожжет ли он град его или позволит жить, - мучительно думал русский князь, глядя на молодого, сильного и надменного хана.

Ему сказали о том, что только что покинул орду его вечный соперник - князь Мстислав, из-за него, чтобы раз и навсегда покончить с этим спором. Пусть хан все сам решит. И хорошо, что они не столкнулись в пути, с князем Мстиславом ему хотелось встречаться меньше всего. Что сказал ему хан, о чем он думает, почему чуть не расправился с Мстиславом (сказали бы, что он к этому причастен), и все-таки в последний момент отпустил его. Вопросы, вопросы, на которые у него не было ответов.

Но он убедился еще раз, что и понятия не имеет о помыслах грозного хана

ГЛАВА 7 НАПРЯЖЕННЫЕ ОЖИДАНИЯ

Князь Ярослав вернулся домой из орды, но не мог он не только успокоить своих, но даже не на один вопрос их ответить так и не смог. Было понятно, что у них оставалась какая - то передышка. Но сколько она будет длиться, когда запольхают окраины, а в том, что они запольхают, никакого сомнения не осталось.

Как можно было жить в таком Пекле, что можно было делать - трудно сказать, и все-таки русичи жили.

Князь Мстислав, лишенный Киева сыном Всеволода, вернулся в свой Галич раздраженный, но он убеждал всех, с кем приходилось сталкиваться ему, что набег неминуем

- Я видел молодого хана, - говорил он сердито, - ему нужна наша Русь, ему нужен Киев, он уже считает его своим.

И когда говорил князь Мстислав, то воеводы его грешным делом думали о том, что не потому ли он так спокойно его оставил молодому и не особенно воинственному князю,

Кто-то во время мира осмелился даже спросить о том.

Странно сверкнули при этом глаза старика.

- Я должен был бойню устроить и помочь хану завоевать нас. Не это ли и привело к беде страшной, не потому ли мы теперь и остались в таком мире, и вы меня снова братьев убивать толкаете, да не бывать этому.

Воевода понимал, что он погорячился, что с князем о том и говорить не стоило, да что теперь делать, слово не воробей.

Но перед лицом все нараставшей угрозы, каким странным казалось это стремление к власти в столице. Ведь теперь ее защищать придется, и от того, кто победит и разгромит их.

Прибывший князь рязанский сообщил Мстиславу о том, что следом за ним отправился Всеволод в орду.

- Не знаю, чего удалось ему там, но никому мало не покажется, а уж ему не позавидовать - это точно.

Молчал князь. Он надеялся на то, что до Галича Батый в последнюю очередь дойдет, хватит ему древних городов по дороге на Киев. Пока хватит, а потом, он стар и скорее всего и не доживет до тех времен, когда все это происходить будет.

А если и доживет, то это уже будет мир их сыновей. Но какая же горькая и страшная им участь досталась.

Среди приближенных князя Мстислава поползли слухи, что в орде было еще что-то, кроме унижений бесконечных перед молодым ханом. Священник негодовал, говоря о язычниках. И праведным казался гнев его, пока воевода Трофим не повернулся резко и не произнес.

- Они язычники, но почему же жгут и убивают они нас, не потому ли, что скотом мы бессловесным и рабами стали. Я бы поверил в твоего бога, старик, если бы он помог нам победить, но не похоже на то.

Монах что-то говорил о каре небесной за грехи тяжкие.

И снова не унимался воевода:

- Тебе о каре хорошо говорить, монастыри и храмы не трогаем Бату, такая странность есть у него. Тебе бояться нечего, потому ты должен за язычника этого молиться, но что нам делать, вот в чем беда самая тяжкая и страшная.

И должны были с ним согласиться остальные. Священник оглянулся на князя, тот угрюмо молчал, потому что уже слышал о блуде своем, и думал о Ладе, не потому ли он должен был ее прятать теперь, и миру этому не показать, что боялся резких слов этого святоши, который и перед князем страх терял, как только речь о грехе заходила. Но он уже говорил ему, что странно все вышло, когда они бросили жен и детей своих в плену, то и не упрекал их священник, а что-то о каре и испытании говорил, а теперь, когда через много лет он вернул свою возлюбленную назад, то прятать ее должен.

И слушая слова воеводы, он думал, что, скорее всего, говоря о рабах не настолько тот и заблуждается. Не могут рабы за себя постоять, и язычники, не

согнутые в три погибели под тяжестью грядущего наказания, они остаются непобедимыми.

Но понимал Мстислав, что жить ему придется рядом со Священником, и лучше не смущать себя такими мыслями горестными. Не будет от них проку, одна только смута в душе, а этого только ему не хватало.

№№№№№

И в орде было тревожно, после поспешного отъезда князя Мстислава исчезла бесследно и Лада. Никто толком не мог сказать, что и как там случилось, но ее нигде не было. Забава тосковала, слезы лила, она осталась совсем одна, и хотя это был ее мир, и другого у нее не было, но ей очень хотелось быть с матерью, а не одной.

Она видела, как смотрела на нее ханша, после того, как Бату узнал, что она не его родственница. Он ничего слушать не хотел, и она не могла с ним сладить. И не в силах как-то на него повлиять, всю свою ярость она на Забаву и обрушила. Она убедилась в правильности пословицы о том, что беда одна не ходит.

И когда пришел темник и заглянул девушке в глаза, она ничего больше не могла сказать ему.

- Скажи, где она, - спрашивал он.

- Мне ничего не известно.

Он ничего не говорил больше, но она понимала, что мать безрассудна, они пойдут к Киеву из-за ее исчезновения еще быстрее, чем собирались, и тот мир рухнет в одночасье, он никак не сможет удержаться. Как она может из-за него так рисковать и подвергать мир опасности.

Но возможно она хочет отомстить этому миру, бросившему ее в плен, оставившем без надежды на спасение. Она была права по своему, а страдали невинные. Князья снова отделаются только легким испугом.

Забава должна признать, что она совсем не знала ни этого мира, ни этих людей. Самым близким для нее человеком оставался Батухан - такова ирония судьбы.

ГЛАВА 8 ТАЙНАЯ ПЛЕННИЦА

Как беспокойно было в те дни на землях русичей, хотя, скорее всего, спокойно там вообще никогда не бывало, но это время врезалось в души смятенные, оно наполнено было особенными тревогами.

Русские словно хотели побыть еще немного в привычном мире, а потом лечь, подобно предкам своим под тяжелый ханский настил, и быть раздавленными. Но помня о тех событиях, может быть, и погибнуть в открытой схватке с Бату, чтобы не мучиться так долго, не умирать в диких муках. Но как бы там не было, они наслаждались жизнью мирной и обычной, и если еще не научились ее ценить, то брали от нее все, что она могла дать.

В тот странный день князь Мстислав отправился на охоту. И во всей своей красе врезался он в дремучий мир, в мир волхвов и богов древних, чтобы стать частью его, растворится в нем хотя бы на короткий срок - всего несколько мгновений.

Как ярко сверкало солнце на небосклоне. Ему казалось, что сам Даждьбог выкатил на колеснице своей золотой, чтобы на него полюбоваться. И потому еще более неожиданным показалось для него то, что тучи затмили солнце в один миг, и полил такой дождь, что и кони и люди сразу промокли до нитки. Какими тяжелыми стали одежды их, а так как уехать они успели довольно далеко, то не было никакого смысла возвращаться в город. И воевода свернул первым в охотничий домик еще в прошлом веке по приказу какого - то князя построенным.

Нахмурился князь Мстислав, но останавливать его не стал. Разве не говорил ему дед еще, когда он что-то пытался скрыть, что все тайное рано или поздно становится явным - все время говорил.

И он немного отстал от остальных, но за ними следовал. Взглянул на него слуга его верный Степан, ему хотелось знать, что князь обо всем этом думает. Но ничего не выражали обращенные в душу глаза его. И когда толпа эта шумная и мокрая ввалилась в домик, то Лада и вышла к ним навстречу, гадая, должна ли она прятаться или нет. Князь надеялся на то, что она все-таки укроется от посторонних глаз, но Лада поступила наоборот, в дорогом наряде она вышла к ним и величественно улыбнулась, словно была княгиней и женой его, ждала гостей желанных и дождалась.

Князь гневался, хотя и старался сдерживаться, он понимал все, что она думает и чувствует. Но гнев быстро сменился на милость. И страсть охватила душу его. Она была с ним рядом, она была прекрасна и желанна не меньше, чем тогда, когда они встретились впервые. А остальное было не важно.

И оторопели охотники. Кто-то не знал, кто она такая и принял ее за русалку, призрак. Правда, видели его все, кто был на княжеской охоте, но большинство из них либо слышали о ней, либо знали ее. И потому сразу же ропот пролетел между ними.

Одни говорили, что беда случиться скорее, чем кажется, другие молча смотрели на князя Мстислава, всегда с огнем игравшего, а тут просто пожар устроившего на их земле.

Ни слова князь не проронил, за столом он рядом с ней уселся, много пил и молчал. Зато Лада говорила о том, как жила она в орде, что там было, и как мечтала она рано или поздно в свой мир вернуться.

Она все яснее понимала, что сильнее, чем кажется, что терять ей нечего. Даже если бы он разъярился настолько, что прибил ее, и тогда ничего бы уже переменить нельзя было. Никто кроме нее самой не знал о татарском темнике, и она не собиралась им о нем рассказывать. Но он придет за ней сюда и в Киев, пока не найдет ее.

Какая ирония судьбы, русский князь бросил ее, и не собирался освободить, и она знала, что он не может этого сделать, и не надеялась, а на того надеялась все время. Разве может быть такое. А ведь было.

Они отправились назад на рассвете. Он провел ночь в ее объятиях, и даже не пытался скрывать этой связи, а с какой стати?

Она вышла их провожать. И многие заметили ее странную улыбку. И кто-то невольно оглядывался и смотрел на нее в те часы. А она смотрела на них так, словно они были уже не живы, а мертвы, словно они оказались призраками с того света, которые на Радуницу спустились к ним когда-то, в светлые времена язычества, чтобы соединиться и вкусить их пищи, и напомнить о себе.

И что самое удивительное, это было почти правдой. И только князь не оглядывался, он никогда прежде не оглядывался, и, уезжая, не посмотрел на нее и на этот раз.

- Ничего не меняется в этом мире, а он точно никогда не переменится, - только и успела подумать Лада.

Она провела с ним ночь, но помнила объятия и страсть того человека, чужака, татарского темника, который был ей близок и дорог, как никакой другой все эти годы.

И она ждала его, она все время видела, как в порыве страсти бросится к нему на шею, и растворится в нем, и сама потащит его в покои в постель, чтобы соединиться, чтобы насладиться этим единением, и настроить чужого против своих. Она пылала страстью. Она любила его и не могла не любить. А объятия князя - это только возмездие за предательство. И когда дурман прошел, и они лежали обессилившие, так и не соединившиеся душами своими, только тела их были переплетены, он думал об этом. Он был слишком умен и проницателен, чтобы не почувствовать, что души их никогда не соединялись.

- Безрассудная, - во сне ее шептала бабка, и крестилась.

Но почему ее крест и ее бог не помог, когда уводили ее в плен. Она выжила там, но выжила не для того ли, чтобы вернуться и отомстить, и этому миру, ее породившему, и этому богу, обратившему свободных и гордых славян в бессловесных рабов.

И даже когда воины Мстислава, там, в орде, схватили ее и поволокли, она не сопротивлялась, зная, что если они увезут ее с собой, то татары скорее на Русь придут и покорят ее и расправятся.

Когда она предстала перед князем Мстиславом после похищения, и он посмотрел в ее глаза, он понял это. Вся злоба и ярость о том вопили. И самым разумным было бросить ее назад туда, откуда они ее украли. Но он понимал, что не может предать ее еще раз. Это было бы настоящим безумие. И как древний царь Приам, бросивший Париса волкам на растерзание, когда тот вернулся назад, уже не мог запретить юнцу ничего, и по-философски отнесся даже к похищению Елены. Он не волен был изменить судьбу, надо просто принять то, что она приготовила, без всякой суеты, и гибель Трои.

Тот, кто в юности своей не смог защитить любимой женщины, думал примерно так же - он должен был принять все, что принесут с собой всемогущие язычники, готовые уничтожить его рабский мир.

И все, что в этом тягостном ожидании оставалось русскому князю, - только несколько ночей страсти с полонянкой (такой она и для него, а не только для хана стала).

Он помнил всегда эти вспышки молнии, они немного раньше или позднее сожгут его мир дотла, от него ничего не останется больше. Но разве не заслужил он этого, каждый получает то, что он заслужил.

Об этом молчал русский князь, когда он возвращался с последней охоты своей. И это была последняя ночь в объятиях любимой женщины, он радовался, что не струсил, на этот раз не свернул с пути своего.

Гонец донес о приближении Батухана. И он был готов к кровавой, смертельной встрече с тем, кто не успокоится, пока не покорит этот мир.

И он не мог его остановить. Это должен был признать грозный князь Мстислав.

ГЛАВА 9 ПОХОД НА РУСЬ

Юный Хан в те дни любил сильнее, чем прежде, хотя еще недавно ему казалось, что сильнее уже и некуда было. И теперь он был одержим одной идеей - подарить ей эти бескрайние земли, и покорить их, чтобы не было за спиной его этой противоречивой и многоликой Руси, вечно грозившей отнять у него его единственную любовь.

После исчезновения Лады, когда его любимый темник потерял и сон, и покой, он понимал, насколько они опасны и непредсказуемы, как легко могут ударить в спину, даже в тот момент, когда унижены, и приходят к нему с протянутой рукой.

И сам он сознавал, что пока не пройдет по этим землям победителям, не будет у него сна и покоя. Он обещал темнику вернуть возлюбленную, а Забаве мать и Киев, и он сделает этого. Только теперь он торопился и понимал, что промедление смерти подобно. Да и был он так юн и горяч, когда врывался к ней и прикивал к ее юному гибкому и самому прекрасному в мире телу, что и весь остальной мир уже лежал распростертым на разноцветном дорогом ковре ее юрты, которую он любил, и где бывал чаще в своем собственном жилище. Там снова слуги и жены, с немым укором в очах, туда порой врывалась матушка, не скрывая ярости. Здесь была только она одна, и он не просто отдыхал душой, но и крылья за спиной ощущал, и точно ведал, что легко может взлететь и парить над землей.

Он понимал, что это награда ему за все, что он в этом мире совершил, и хан радовался тому, что происходило. И приносил щедрые жертвы богам, прося о том, чтобы дальше было еще лучше, хотя порой ему казалось, что лучше не искушать их, но он один из немногих, не только в юные годы свои, но и всегда умел требовать большего, чем все, и это его несказанно радовало и вдохновляло.

И Забава, оставшись в одиночестве, только в повелителе чувствовала опору и поддержку.

В глубине души она понимала, что совершается что-то противоречивое, и для нее возможно губительное, но и остановиться уже не могла. Не могла, да и не хотела делать этого.

Она понимала, что так распорядилась судьба, и что могла слабая девица, выяснившая, что она не его сестра, но если бы даже и сестра, она понимала, что рано или поздно и тогда бы они были вместе, а теперь, когда вообще никаких преград и запретов не существовало.

Иногда, когда она страстно (и это была настоящая страсть), обнимала повелителя, она видела глаза русского князя, считавшегося ее отцом, и подарившего ей свободу и страсть.

Каким же далеким и чужим он был, бросивший беззащитного ребенка в лесу или поле, какая разница, на съедение волкам, а волки ее полюбили. И это не ее вина, это беда князя, не сумевшего защитить то, что по праву принадлежало ему, та, которая не погибла, должна была прийти и разрушить, предавший ее мир, в этом была своя справедливость.

Она смотрела в глаза хана, всегда пронзавшие ее сознание, когда они были так близко, она подносила к ним ладони, чтобы закрыть их. Она не могла и не хотела утонуть в этих черных глазах, пылавших от страсти.

И когда он ушел от нее на рассвете веселый и счастливый, она поняла, что в этот день поднимутся его воины, все до одного, и начнется поход по землям русичей. Она не могла назвать их своими, потому что до сих пор никогда там не ступала ее нога. Но он покорит их и вернет ей утраченное.

И при мыслях о том сердце сжималось то от горести, то от радости. Эти два противоположных чувства так и сольются в одно, и она никогда не сможет сказать, чего было больше, огорчал или радовал ее этот поход, это возвращение в потерянный еще до рождения мир.

Хрипели со всех сторон кони. Он то приближался, то отдалялся, потому что поход был положительным, о многом надо было позаботиться ему самому. Она же пребывала в какой-то дреме, и пробудилась перед стенами Рязани.

Очнуться и вздрогнуть Забаву заставляли дремучие леса. Она никогда не приближалась так к этому таинственному миру. Открытая степь была мила сердцу девушки. А тут шелест, свист, какие-то внезапные звуки. Казалось, что за каждым деревом таится чудовище и готово на нее обрушиться. Она невольно отстранялась, вздрагивала. Бату, когда был рядом, смеялся и говорил, что эти леса здесь повсюду, и есть волки и медведи.

Но первым она увидела громадного лося. Вскоре он уже валялся на земле, и стал пищей для воинов, но каким он был могучим и красивым, в тот момент, когда они еще не прикончили его.

Если бы она родилась здесь, если бы она жила в этом мире с самого начала.

Но вот уже высокие стены Рязани были перед ними. Она на другой стороне леса почти ничего не видела. Бату приказал охранять ее, и не потерпел бы, если бы она приблизилась к схватке, но когда она на закате все-таки подошла к стене, сама не понимала зачем, женщина в дорогах одеждах с ребенком на руках и с пронзительным криком полетела вниз, и она невольно отстранилась. Хотя расстояние были приличным, и упасть около нее княгиня не могла.

Забава хорошо видела, что никого не было рядом с ней, никто ее не толкал, она это сделала сама, но почему и зачем? Понять этого она не могла. Вечером у костров воины говорили о том. Темник рассказал ей, когда она спросила, что это княгиня рязанская.

- Они в отчаянии, но они снова обречены, - только и произнес он.

Забава могла бы подивиться тому, что в ее душе не было жалости к незнакомой княгини. Это можно было назвать бессилием и отчаянием, а такие чувства ей были чужды. Она с детства знала, что главное - выжить и жить, и верила в это свято.

Она не могла вспомнить сколько дней прошло с того часа, когда они подошли к Рязани. Но все более яростными становились атаки татар, и русичи уже не могли противиться.

Бату дивился, он не думал, что они будут так сражаться, но победа его была только делом времени. Рязанцы ждали других князей, посылали гонцов, хан велел их пропускать. Он играл с судьбой, но вскоре стало понятно, что никто не пожалует. Все их братья - враги считали, что с этим княжеством уже покончено. Надо копить силы для того, чтобы собственные земли защищать.

Когда были распахнуты ворота города, в суматохе она столкнулась с ханом, скорее всего, он разыскал ее и повел ее в город. Никогда прежде не видела она, как жили те, кто считался ее родичами. И все здесь было таким странным и чужим, как и лица людей, переполненные бессильной яростью. Забава вспоминала о тех мирных и счастливых днях, когда ничего не было. Но она любила и была любима.

И она поняла, что никогда не захочет жить в таком граде, за высокой каменной стеной, рухнувшей под ханским напором. Отсюда никак нельзя убежать, это ее так угнетало.

- Рязань, - повторяла она, и сознавала, что это только начало.

Хан молчал. Эта была его первая большая победа, если не считать славянки. Но весь мир он отдаст ей, если нужно будет делать такой выбор

ГЛАВА 10 ТАИНСТВЕННЫЙ МИР

Мало что осталось от Рязани к тому моменту, когда гонцы, отпущенные ханом, понеслись в другие города. Князья должны были от своих узнать о его победе. И они узнали. Замер грозный и величественный Владимир в ожидании, окаменел князь Ярослав в Киеве. Они не могли понять, что делать и где ждать того, который был юн и спокоен, когда видели они его у себя дома.

Только скрипнул зубами Мстислав. Почему казалось ему, что он причастен ко всему, что происходит больше, чем все остальные. Он понимал, что о том лучше не думать.

- Отдай ему Ладу, - говорил его воевода Семен, - ведь он за ней пришел, и тебе это ведомо не хуже моего.

- Ему мир наш нужен. Может сражения из-за женщин и начинаются, только всегда большего хотят победители.

Конечно, он судил по себе. Подобно героям сказаний, он просто решил украсть то, что не мог получить никаким другим способом. И он допускал, что Бату в ярости от дерзости его, но не стал бы он воевать из-за нее, его не остановишь, а еще раз слабость и несостоятельность свою на весь мир показать, нет, не дождется этого наглый хан.

- И рязанцы заживо сторевшие не дождутся, ничего от града не осталось, но зачем же другие города им так просто отдавать?

Долго они говорили, и понимали, что все совсем не так просто, и никто ничего остановить не сможет, чтобы не делали они более.

А тем временем хан приказал привести молодого пленного князя Олега. Его удалось вырвать из этого пламени. Он остался жив, и не то чтобы рвался служить хану, но и противился не особенно.

- Спросить тебя хотел, - услышал он голос хана, - куда путь держать, чтобы разом весь мир захватить.

Смотрел на него Олег, он даже не сразу понял, что Бату говорит на их языке и ему не нужен переводчик, а потом это открытие его так потрясло, что и слова он молвить не мог.

Тогда только рядом с ним и заметил славянку. Он знал, что там были разные девы. Полмира дед его захватил, и что же, он знает все языки, на которых наложницы его говорят?

- Нечего дивится, у меня была хорошая учительница, - говорил он, понимая, что так удивило князя.

- Но ей ничего не известно об этом мире, ты мне поведать должен.

- А что сказать тебе. Киевского князя ты встречал, он пришел к тебе с поклоном, князь из Владимира не приходил, он уверен, что справится с тобой.

И странный огонек мелькнул в глазах у юноши. Мстил ли он за что-то тому, кто привык считать себя великим князем, город ли сам величественный

и белый, так ему не нравился, как знать, только о Киеве он молчал, а о совсем другой столице говорил.

Еще встречаясь с Ярославом и Мстиславом, понимал Бату, что не разобраться, что и как там у них происходит. Ему казалось, что это потому что, он далеко от них находится, но и теперь в такой близости, перед сожженным городом он понимал не особенно много. Одно было ясно, что все они друг для друга волки, и объединяться против него не станут.

Они согнут свои города, отдадут в полон своих женщин, они пойдут на все, и только одного не случится, чтобы князь рязанский, коего он уже к праотцам отправил, или какой другой встал рядом с братом своим.

Это радовать его должно было, но Бату сердился, он не мог понять этого, потому что интересовался этим миром, он не был ему чужим.

- Жена - это не кровная родственница, но самое близкое создание, вот так и этот мир, не только Забаву, но и Русь саму считал он женой своей, а не полонянкой, как его дед когда-то, и потому ему совсем не по душе было то, что там творилось.

Когда он отправил молодого князя подальше, и тот, уходя, пристально взглянул на Забаву, решив понять, кто она такая и какую роль при хане играет, Бату повернулся к ней, и коснулся ладонью ее щеки. Одно только желание было ясным и определенным в душе его - он хотел быть с ней, обладать ею, и все равно где в покоренной ли уже Рязани, или перед белокаменными стенами Владимира.

Желание его от этого не изменится и никуда не денется. Она прекрасна и желанна, потому что воспитывалась не с этим парнем рядом, а в его стане.

Олег же в тот момент, когда Бату страстно обнимал Забаву, сидел на пне в лесу дремучем. Он никак не хотел идти в сожженный город, а здесь был дом отца, где тот встречался с девицами своими, когда не хотел, чтобы о том знали.

И вспомнив об этом укрытии, он там оставался, чтобы быть подальше и от своих и от татар.

Вспомнилась эта славянка. Говорят, у хана дюжина жен, но там была только она одна. Ему хотелось понять, можно ли на нее надеяться, что она для него может сделать, если вообще что-то может. И какая-то странная надежда появилась в душе.

Он был юн и наивен, и не понимал, что она для него страшнее самого хана, потому что тот о чем-то думает, и какие-то строит планы, она же просто смотрит на мир, и ей нет особенного дела до его бед. Ее славянская внешность - обманчивая вещь.

- Владимир, - прохрипел Бату, когда первая вспышка страсти была погашена, но он не выпускал ее из объятий.

Так все и было решено в ту странную ночь.

ГЛАВА 11. ПРЕД ВРАТАМИ ВЛАДИМИРА

И они двинулись к новой столице земли русской.

Когда все это начиналось? Изгнанный не один раз из древнего Киева князь Юрий, прозванный Долгоруким, когда-то махнул на этот старый мир и занялся делом, начал отстраивать свой удельный град. И так в этом преуспел, что вскоре стал он выше и краше Киева самого. И не могло быть по-другому тогда. И потом сын его, князь Всеволод, который уже не рвался к Киеву, а только град свой укреплял и сделал его настоящей столицей земель русских. При нем в Киеве сидел еще и считался великим князем, сначала Святослав, а порой и Рюрик, только всем было понятно, кто на самом деле правит миром этим - это и был князь Всеволод Большое Гнездо. Именно его сын, князь Ярослав и отправился тогда в древний Киев, а потом мы его еще и в орде с вами встречали, Киев тогда ему достался, но был Владимир, который стал, как им казалось, для них тайной столицей. Но это только казалось.

Чингисхану не было ни времени, ни сил, разобраться, что там на самом деле происходило в то время, зато Бату прекрасно все знавший, сразу понял,

что нужен ему не только древний Киев, чтобы власть свою показать над этим миром, ему еще и Владимир нужен.

Битва под Рязанью его скорее разочаровала, русичи оказались еще более безрассудными и дикими, чем ему о том рассказывали пленники, но это не только не остановило грозного хана, а наоборот сил прибавило. Не собирался он отступать и мириться с ними, не дождутся они от него этого.

Не стали они далеко уходить с земель русских, расчистили бескрайнее поле и остались там, но взоры их и кони в сторону Владимира и были направлены.

Правда, там те самые дремучие и непроходимые леса оставались. Для привыкших к степи они казались чудовищами. Но перед какими чудовищами и когда он останавливался? Не бывать этому, только еще больше задора в душе хана появилось.

А раз обещал он подарить Забаве мир этот, то обязательно это сделает. Но на этот раз не хотелось ему так все рушить и уничтожать, расположился он перед воротами Владимира и стал ждать, показывая князю, что пришел он сюда всерьез и надолго.

Пусть сами они решат, как им быть и что делать дальше. Ведь понимают они, что дань хану нужна, и город целый и невредимый. Вот и пусть со склоненными головами к нему выходят. Уж если князья их у него побывать успели, то им сам бог велел.

Но молчали те, кто за стенами городскими остались.

Тогда посланников своих отправил туда грозный хан и сообщил им о том, что долго он ждать не намерен.

Князь просил об отсрочке, тайно во все города гонцы помчались, убеждали они всех, что конец придет и им, если Владимир падет. Но напрасно ждал князь, и хан ждал напрасно, так и надо было смотреть, у кого раньше терпение кончится.

Заволновался после падения Рязани и нового похода и князь Мстислав, ничего не знал он, ни с кем переговоры вести не собирался, и всех гонцов с других земель без всякого ответа оставлял.

И не стоило бы ему особенно волноваться, если бы в замке у него не оставалась Лада, ведь знал он, догадывался, что за ней рвется молодой хан, в дочь его влюбленный.

Но и сам он стал врагом и для своих и для чужих. Одни боялись, что из-за него уничтожат их, а Батый предательства его и воровства перенести не мог. И если в первый раз Забаве удалось остановить своего хана, и позволить ему уйти, то не стоило надеяться на то, что это и теперь случится. Но больше не бывать этому.

№№№№№№№№

Грустна в те дни была и сама Забава, вместе со своими оставаясь под белыми воротами Владимира.

В тот момент под покровом ночи и пробрались к ней русичи, они стали просить ее о помощи.

Со странной усмешкой взирала на них Забава. Она понимала их речь, но не понимала другого, как и о чем могли они просить ее, а ведь просили.

- Ты же русская, ты наша, как же ты можешь с ним быть.

- Я выросла с ним, я никогда не знала вас, и никто, даже князь не собирались меня спасать, так что же теперь я вам должна.

Долго она говорила с ними, а потом попросила уйти. В этот час приходил хан, и он не оставит их в живых.

Проговорились русичи, что князь Юрий тайно покинул город свой, только старая княгиня с детьми и внуками осталась в городе.

Ничего на это не ответила Забава, она понимала только, что все они обречены, и тот, кто сбежал, и собирается что-то делать, и тот, кто за стенами прятаться собирается. Она хотела им сказать, что хан не трогал храмов их, и

там они могут от него укрыться, но ведь не будешь же всю жизнь скрываться, Бату молод, и проживет он долго.

Хан знал, что эти люди были у нее, он остановил стражников, когда те не хотели их пускать - пусть побудут немного, ему не было до них особенного дела. Но интересно было, как она себя поведет.

Она сразу по глазам его поняла, что она все знает, и только подчеркнула,
- Они слабы, а потому очень злы, как странно сознавать такое.

-Пусть они сами свою судьбу решают, - отвечал он, обнимая ее, - ты видела, что я был терпелив, и они погубят себя сами.

Она не хотела говорить ему о побеге князя Юрия, но и это ему было известно без нее.

- Как он мог все бросить? - спрашивал Бату, - у них так было всегда.

И он отвлекся от мировых проблем, и снова стал обнимать ее. И утонул в той радости, которую она ему самозабвенно дарила в те странные и страшные для мира дни.

ГЛАВА 12 СТРАННЫЕ СНЫ

После страсти и бурной ночи крепко спала Забава. Она хотела скорее забыться, и не думать о том, что ее здесь, в этом чужом мире окружало. Но какие странные и страшные тени врывались и с мир ее снов. Они окружали ее со всех сторон, наваливались на нее, дышать становилось все труднее, она стонала, металась, никак не могла прийти в себя.

Бату под вратами золотыми спал спокойно, но это были сны совсем о другой жизни, ему неведомой. Он видел себя прекрасным юношей со славянской внешностью, и был он волхвом и чародеем в том мире, и приносил жертвы богам этим странным. И это незнакомый юноша - тоже он, только изначально этими землями владевший, он толкал его в новой жизни на то, чтобы завоевать снова, вернуть себе утраченное, только о том в это время молодой хан и думал.

Он не особенно вникал в сны свои иные, но этот стоял перед глазами. И когда он увидел, что Забава уже проснулась и внимательно на него смотрит, то улыбнулся.

- Теперь я знаю, откуда это все это, я был в этом мире, я уже владел им, и я вернулся. Они не смеют меня ни в чем обвинять, я пришел назад, и я должен здесь остаться.

- Это невозможно милый, - говорила она, поглаживая его по щеке, в то утро она была особенно нежной, - ты не согласишься жить за стеной такой огромной, и мне тоже этого совсем не хочется.

Странно грустной стала в тот момент ее улыбка, словно бы какая-то сила вдруг на него обрушилась и не давала никакого покоя. Он понимал, что она была права, она всегда была права.

№№№№№№

А тем временем Лада замирала от тоски, и свет белый больше не был ей мил. Она и прежде-то понимала, что брошена в полузабытый мир напрасно, а тут все так изменилось, стало таким жутким и страшным, она тосковала без той жизни, к которой привыкла и в какой-то мере даже любила, без того, кто стал ее мужем, настоящим.

Князь, по-прежнему пробиравшийся к ней тайком, и шипящие его подданные, считавшие, что все беды от нее исходят, и требовавшие, чтобы она убиралась в орду, они приводили ее в бешенство. И она убиралась бы, обязательно, только ей хотелось позлить их, и хотелось здесь дождаться своих. По иронии судьбы именно татар она давно своими и считала, и в этом таился какой-то высший для нее смысл.

Но она не могла представить своей жизни без дочери. И когда на закате князь Мстислав появился в ее заточении (а ее охраняли эти люди, и довольно пристально за ней следили), она усмехнулась горестно:

- Мне снилась дочь. Теперь мы оба ее бросили.

Нахмурился князь Мстислав. Ему и без того порой казалось, что он напрасно вернул сюда Ладу, сколько из-за этого и споров и проблем и горестей возникало, а тут и вовсе пал он духом, когда она напомнила ему о старом, да куда деваться от всего, что с ним в этом мире случилось.

Ему снились убитые Чингизом князья, и они упрекали его за то, что он живет с его шлюхой.

Он во сне своем от всех сразу отбивался, а они нападали на него со всех сторон, и все говорили о том, что все это не то и не так должно было в том мире случиться.

- А что и как быть должно? - снова спрашивал князь.

Не в силах забыть этого сна, и помчался он к ней, и вместо оправдания и утешения, вот что от нее и услышал. Было отчего прийти в ярость и бешенство.

Он развернулся и отправился прочь, не прикоснувшись к наложнице своей, но охранять ее приказал пуще прежнего, чтобы и не подумала она улизнуть от него.

Нет, если от чувств прежних кроме чувства вины и не осталось ничего, то вот отпускать ее назад он не собирался. О дочери не думал совсем. Она казалась ему чужой. И вспомнив, какое влияние она на Бату имела, когда его же защищала (такого унижения князь не забывал никогда) он только и думал о том, что змею породил, и понимал, что ее не нужно спасать, потому что она не просила его о том и вряд ли вообще спастись хотела и собиралась.

№№№№№№

Лада осталась одна, первым ее порывом было броситься на коня, разбросав всех охранников, и мчаться туда, где ее близкие. Но она сдержала себя. Она уверяли себя, что должна подождать, пусть они за ней придут, пусть отомстят и покажут князю, как ведут себя настоящие мужчины. Она не могла и не хотела уводить беду от его земель.

И шипение вельмож его, пусть оно оправдается.

Лада и сама не могла понять, откуда в душе ее столько лютой злобы, переходящей в ненависть, почему она так жестока, а возможно и несправедлива к своим.

Хотя никогда она не считала их своими - это точно.

Она любила своего темника, она ждала его и тосковала, и боялась только, что он может погибнуть в одном из сражений, и не дотянуться до нее, но если он жив, то ее не оставит, он придет. И она ждала его.

№№№№№

И метался князь Мстислав по степи открытой, не зная, куда ему бежать и кому что сказать.

Он запутался окончательно среди врагов, своих, среди жен и наложниц и всего остального мира, и никак не мог отыскать пути и ответа за все, что там творилось. Он не знал, не понимал, не хотел ничего видеть и слышать.

Когда-то князя Олега называли Мудрым, он пережил его на несколько лет, но не мог похвастаться тем же - он должен был признать, что никогда не был мудрым, но надо было искать хоть какой-то выход из того положения, в котором он оказался.

А Бату между тем приближался и к его миру, и к его душе, и князь уже видел глаза этого мальчишки, полные ярости и ненависти. И не хотел узреть их снова. Но он понимал, что это не в его власти, от него больше ничего не зависело.

.

ГЛАВА 13 ПЛЕННИЦА СРЕДИ СВОИХ

Долго топилась Лада в одиночестве. Не хотел ли появляться у нее Мстислав, или он на самом деле был занят, и о душе думал, только она понимала, что брошена и спрятана от мира, можно сказать, что похоронена заживо.

И только во сне видела она, как к замку ее с двух сторон мчались два всадника, в одном из них она узнала Мстислава, только молодого, такого встретила когда-то случайно и полюбила, а с другой стороны к ней приближался темник. И она с высоты своей башни (они все время видела себя во сне заточенной в башню), она следила за тем, кто из них приблизится первым. То один вперед вырывался, то другой. И ей хотелось, чтобы темник был раньше, потому что она успела убедиться в том, что этот чужак любит ее по-настоящему, она для него не игрушка, и воспоминание о далеком прошлом, а живая и любимая женщина.

Но когда она проснулась и выглянула в окно, то и на самом деле увидела всадников. Ехали они, правда, не с разных сторон, а рядом, и о чем-то тихо разговаривали. В одном из них она узнала молодого воеводу Никифора, второй - священник в рясе.

Она почти не сталкивалась до сих пор с черными монахами, и не было в душе ее веры, это надо признать - никакой не было. Потому она смутилась, понимая, что со вторым всадником ей точно не о чем говорить.

И пока они подъезжали, Лада подумала о Забаве. Она понимала, что там, где они сейчас, и на нее обрушатся все эти святоши, и станут напоминать ей о том, что она русская, что она не может быть в стане врага. Когда они чувствуют опасность и запах гари, то готовы убедить в чем угодно, но где они были прежде.

И она порадовалась, когда подумала о том, что Забава еще дальше от всей этой рабской веры, чем она сама, и рядом с Бату они ни в чем ее не смогут убедить, потому что все видно и без того, кто прав и кто виноват.

И осталось порадоваться тому, что она его возлюбленная, а не сестра, что он может, в отличие от князя Мстислава защитить свою женщину.

Но в это время те двое уже ворвались к ней, не особенно заботясь о том, хочет ли она их видеть, будет говорить, они и представить себе не могли, что Лада может просто перед ними захлопнуть дверь и отправить их подальше.

Что за чертовщина, и находясь одной ногой в пропасти, они вели себя как завоеватели и победители.

Она смотрела на них почти яростно, но Никифор и священник делали вид, что не замечают этого. Сначала она и на самом деле хотела развернуться и уйти в свои покои, проявив при этом свое полное к ним равнодушие. Но в последний момент осталась.

И не просто осталась, она решила рассказать им каков на самом деле Бату и что ждет их в тот момент, когда он тут появится.

Ведь именно за этим они и пришли сюда.

- Я воспитывала хана, он особенный, - говорила Лада, - он знает все, что касается этого мира, он понимает наш язык, и он всегда считал, что это и его мира тоже. Для Чингисхана он был - одним из миров, который он лишь слегка подпалил, Бату нужна Русь. Уж не обессудьте, так вышло.

Она видела, как Никифор сжал кулаки, а священник странно побледнел, словно ему больше не хватало воздуха дышать было нечем. Но если бы даже он упал и умер тут, и тогда это бы ее не особенно волновало, да что там, ей было в сущности все равно.

-Ты хочешь сказать, что его нельзя победить никаким образом? - прохрипел воевода.

- А что себя напрасными надеждами тешить, - согласилась она.- Да и как могут победить те, кто разбежались по своим норам и носов из них не высовывают. Рязань сторела, а вы послали туда хоть одного воина. Вы станете считать их предателями потом, но разве вы не предали их теперь?

Разговор уходил в ту часть, которая никак не могла понравиться ни воеводе, ни священнику, потому они молчали, но она словно бы вдохновение и одобрение получила, и продолжала.

- Меня тоже назад отправляют те, кто защитить не смог. И у мужей ваших хватает наглости меня в чем-то обвинять. А почему, когда они с доблестным князем бросили меня там, я должна была умирать? По какому такому закону?

Ничего не говорили ее собеседники.

- Сначала именно этого мне и хотелось, а потом, когда я поняла, что беременна, и погибнет со мной невинное дитя, я стала мечтать о том, как вернусь к вам, как увижу ваш окончательный разгром, тогда вы поймете, что я могла переживать и чувствовать. Только вы не сможете подарить Бату своих жен и дочерей в обмен на жизнь и свободу, потому что я ему уже подарила свою, а в ваших он не нуждается.

- Она повредила рассудком, - говорил священник задумчиво.

- Если вы себя здоровыми считаете, то я, вероятно, повредила, - согласилась Лада.

Воевода резко поднялся. С ней не только бесполезно было говорить, и пугать и просить, но она угрожала им, и ничего не забыла, и не отказалась от мести - вот что было самым страшным.

Во дворец они ехали молча. Не хотелось даже думать и говорить о том, что они там услышали и поняли. И только сожалели о том, что совершили такое убийственное путешествие в прошлое.

Никифор не удержался, и когда священник отправился молиться в свой храм, он и рассказал князю обо всем, что поведала ему пленница.

-Ты был у Лады, - сразу догадался тот, но не стал возмущаться по этому поводу, глупо было выяснять какие-то отношения, когда беда на пороге. Напрасно боялся воевода его гнева. Князь говорил о другом:

- Он уничтожит наш мир, проклятие, ради своей прихоти, - только и прохрипел князь. И воевода понял, что ему все было известно, и он не раз о том уже и прежде думал. Стало еще хуже. Потому что ему казалось, что у князя Мстислава он найдет поддержку и ответы на самые болезненные вопросы, но не вышло.

Он только подумал о том, что к его радости (если это так можно назвать), они еще не видели его дочь. Вот она точно была совсем чужой, и у нее была причина для того, чтобы мстить и своему отцу, и всему миру.

И не стоило сомневаться в том, что Забава сделает это. Ни он, ни священник, до которого ей нет никакого дела, не сможет ее остановить.

А виной тому две вещи, его предательство (сам с собой князь мог быть откровенным) и любовь Батухана. Очень сильные вместе просто сокрушительные вещи. И самое страшное, что ждать им всем недолго оставалось.

ГЛАВА 14 ПАДЕНИЕ ВЛАДИМИРА

Странный это был день для князя Мстислава. Очень тяжелый день. Но неприятности его, начавшиеся в полдень с разговора с Никифором, не закончились.

Через пару часов после того, как и воевода ушел помолиться о том, что будет появился посланник из Владимира.

Князь не хотел его принимать совсем, хотя и не находил для того предлога, но оказалось уже поздно, и он стоял перед ним, насмешливый, почти яростный.

- Ты так и не пришел к нам на помощь, говорил человек, в душе которого не было ничего кроме отчаяния.

Он помолчал немного, словно все еще задыхался от пламени и копоти:

- Бату ждал долго, он словно хотел убедиться в том, что вы, разбежались, как презренные шакалы, и он в том убедился, только после этого город был захвачен и сожжен. Ты думаешь, княже, что до тебя не дотянутся руки его загребущие? Еще как дотянутся, только тебе и надеяться больше не на что будет. Ему доставляет какое-то дикое удовольствие, убивать нас попоодиночке, но ведь не стоит его винить, страшнее врагов, чем мы сами друг для друга не существует.

Они, молча теперь смотрели вдруг на друга, князь Мстислав, все еще красивый и могущественный и неведомый воевода, имени которого он не запомнил.

- Но с ним твоя дочь, твой выродок.

И в тот момент, услышав эти слова, князь замахнулся на него. И тогда стоявший в дверях священник бросился к нему, он никак не мог допустить, чтобы совершилось неправо дело, и тот, которого не убил татарин, прикончил свой.

- Остановитесь, негоже так, - говорил он.

И Мстислав на самом деле остановился, он понимал, что тот был прав, и если кто и виноват кругом, так это он один.

И ведь несколько раз за это время прибывали гонцы от князя, но разве он хоть ухом повел на все их мольбы? Нет, конечно.

- А хочешь, я тебе расскажу, как это было, - никак не мог успокоиться спасенный.

Князь молчал. Что еще такое он мог узнать, чего совсем не ведал?

- Сначала князь Юрий тайно покинул город, он отправился где-то и кого-то собирать, словно их можно было собрать. В городе только старая княгиня с детьми малыми осталась. Их пришлось прятать в храме, потому что все знали, что храмов он не трогает. Но кто-то поджег собор, я почти уверен, что не хан это сделал, а свои.

Они сторели, сторело все, что могло бы, ничего не осталось больше, и города нет. Ярослав засел в Киеве, но разве не о Киеве мечтал хан. Говорят, он был у него после тебя, и это дало небольшую отсрочку, но он захватит и Киев, ничто его не остановит, и вот тогда все мы окажемся в равных условиях.

Наконец он замолчал, белый, как полотно священник смотрел куда-то вдаль, он видел полыхавший храм, в котором когда-то начинал службу свою бесконечную. Представить себе, что величественный красавец превратится в руины, было невозможно, но еще страшнее, если этот человек прав, в отчаянии обреченных его спалили свои. И он почти в том не сомневался.

Он сказал князю о том, когда они остались вдвоем, а этот куда-то ушел с глаз долой.

- Да какая тебе разница.

- Большая, - выдохнул он, - одно дело, если бы это был хан, и совсем другое если сами себя.

- Храм отстроят, Батыю не нужны наши города, он никогда не сможет жить за их стенами, ему нужен бескрайний простор.

По тому ужасу, который отразился в глазах священника, князь понял, что он говорил какие-то странные и страшные вещи. Но он знал все это, он общался с ханом, а еще больше с Ладой, и он знал это почти изнутри, потому и не было в душе его никаких сомнений.

ГЛАВА 15 ВПЕРЕД

Князь Мстислав, обнимая свою спасенную напрасно наложницу, понимал, что ему в этой жизни нужна только она одна. Но он не понимал другого - того, что слишком много времени прошло и он ей совсем не нужен. Но как такое можно было понять? Если у тебя отняли или завтра отнимут все, что было дорого и мило сердцу, хватаешься за последнее, что осталось. Для него это была Лада, и иллюзия, что она простила и останется с ним, чтобы не случилось. То, что она стремится за своим темником, и вздрагивает от каждого шороха, и ждет его, в это князь не верил, и старался не думать о том, что такое может быть.

Но и у победителя положение было немногим лучше. Бату столкнулся с матерью своей, и она теперь доказывала ему, спокойно, но очень твердо, что он не может не замечать всех остальных своих жен.

Хан напряженно молчал. Все было сказано давно, он никогда, даже в детстве не менял своих решений, но в одном мог с ней согласиться, число наследников его не должно сокращаться, наоборот. Все эти девицы были необходимы для того, чтобы росли ряды его воинов, чтобы было кому сменить его в свое время.

Он шагал на закате то к одной из жен, то другой, но все время думал о том, что когда похождения его станут очевидны, и жены будут беременны,

Забава узнает о том, не станет же он обвинять их в измене. Но он не знал точно, что лучше, обличать неверных жен (матушка не позволит такому осуществиться), или признаться, что он был с ними. Такие краткие свидания заканчивались разочарованием и яростью, и он завидовал своему деду, для которого все это было в порядке вещей и никакого особенного значения не имело.

Но что еще не давало ему покоя, так это то, что его не интересовали чувства и переживания этих женщин. Ему не было до этого дела никакого.

- Не смей гневить их, не смей забрасывать, - слышал он голос матери, - даже если они и не отомстят тебе сейчас, то нет ничего страшнее разочарованной и брошенной женщины.

Хан резко посмотрел на ее, ему показалось, что ей об этом было известно не с чужих слов. И он готов был даже согласиться с тем, что она права, не могла же ему зла желать родная мать, но он не понимал другого - как ему сделать все, что она от него требует и при этом еще собой оставаться.

И тогда ханша решила пойти на хитрость, она долго совещалась со своими самыми преданными слугами, теми, кто готов был ей служить верой и правдой.

- Киев, она должна остаться там, запертая в каком-то храме, - тихо говорила ханша.

У нее не повернулся язык сказать об убийстве. Потому что даже она не знала, что можно ждать от ее сына, но то, что она на время должна исчезнуть, в том не было сомнений. Она останется среди своих, потому совестить даже и не мучила. Ханша никогда не бывала глупа, она понимала, что сын ее готов на все ради этой девицы, будь она неладна. И даже сама она рисковала, потому что понимала, что если хоть кто-то из них о чем-то расскажет, тогда худо будет всем, но она должна была хоть что-то предпринять для того, чтобы все в этом странном мире переменилось. Так не могло продолжаться.

Потом Забава часто видела сон. Реку без конца и края, на одном из островов в этой реке стояла ее матушка, на другом она сама. И они не могли

добраться друг до друга. На берегу показался всадник. Она сразу ж узнала его. Но и он не мог дотянуться до них, потому что река несла острова куда-то, а он оставался на том самом берегу.

Вернувшись от матери, он направился в другой шатер. Постоял немного, развернулся, и ушел назад, к ней. Ханша, за ним неустанно следившая, видела все это. Она только сжала кулаки и стала думать, что ей делать дальше.

- Мы выступаем на Киев, он будет твоим, хотя они того или нет, - говорит ей Батый.

Он так часто это повторял, что ни чему уже не могла удивиться Забава. Но хотела ли она этого. Мать все время пылала мезтью. Она должна была быть благодарна этим людям за то, что у нее был он. Она не представляла себе другой жизни. И потому только кивнула растерянно, когда Бату повторил в очередной раз, то, что хотел сделать.

А вам когда-то дарили покоренные города, древние и прекрасные. Конечно, это ужасно, представить страшно. Но с другой стороны в этом что-то есть.

В ту ночь Забаве приснилась княгиня с ребенком на руках, словно куль с мукой, летела она со стены, и Забава знала, что они оба погибли. Чтобы не случилось потом, она понимала, что не забудет этого никогда. То же повторилось и во Владимире, они сами сожгли храм, русичи. Но и она не могла не чувствовать себя повинной. И только ее властелин не щадил ни своих, ни чужих, и словно страшный маяк стал для него этот град дикий и ужасный. И он не смог бы успокоиться, пока не покорит его. Потому что в другой жизни - и в том у хана не было сомнения, он принадлежал ему, и хотелось просто вернуть. Для этого ему была послана его любовь, потому он не собирался отступать.

Забава же была по другую сторону даже в этой жизни. Она совсем не понимала мира, к которому принадлежала по родству, но никогда его не знала.

И эти два человека, которых по воле рока в одном месте в одно время столкнула судьба, они должны были решить судьбу целого древнего и прекрасного мира. И понятно было, что руководил ими кто-то свыше, сами они никак не могли прийти до такого, если бы даже и хотели.

Она случайно напомнила ему об еще одном горевшем храме.

- Они скажут, что это моих рук дело, - сердился Батый,- но они сами палят свои города, я не заставлял их убивать себя и детей.

Во Владимире он не хотел задерживаться, если и ждал чего-то - только возвращения князя, который бросил снова, как и тогда, как и всегда своих женщин, стариков и детей и скрылся где-то. Словно без них, помня о страшном предательстве, он сможет жить.

Ждал его грозный хан, но так и не дождался. Они вышли из города и тут на князя Юрия и наткнулись. Он пытался сопротивляться, безумец. Или это был последний жест отчаяния, когда он понял, что Батый уйдет, а он так и не успеет поднять меча своего.

Поднял в первый и в последний раз. А что еще ему тут оставалось?

Князь погиб, но в сражении. Бату немного успокоился, хотя его так возмущало то, что происходило на этих землях. Но впереди был желанный и долгожданный Киев.

ГЛАВА 16 ТРУДНЫЙ ВЫБОР

Все, что происходило во Владимире и Киеве, слышал и знал князь Мстислав.

Он понимал, что обречен и даже не особенно рвался из плена, надвигавшегося на него. Он вспоминал, как это было в давние времена, как рвался он навстречу Чингизу, не особенно понимая, и зная, а кто тогда и что знал, что там их может поджидать.

Князь Мстислав понимал, что теперь этого никогда ему не забыть, сколько бы времени не прошло. Но понимая, что надеяться особенно не на что, он решил вести себя иначе и соединиться с Ладой. Тогда он оставил ее - и

жизнь оказалась пустой и бессмысленной, больше такого повториться никак не могло. Он собирался и жить и умирать вместе с ней, даже и не задумываясь о том, хочет ли она того же самого.

Лада взглянула на него удивленно и спокойно, когда князь появился перед ней, она явно ждала не его, но он принял растерянность за радость и видел только то, что сам видеть хотел.

Было короткое соединение тел. Князь боялся даже себе признаться, что он стал и это ему совсем не надо. Лада только терпела его, и думала о любимом. Она и теперь не подозревала, что так о нем станет тосковать. И когда все к их радости закончилось, он взглянул на свою наложницу.

Князю показалось, хотя он о том думать не хотел, потому и заговорил, чтобы как -то скрыть свою неловкость.

- Он рвется к нам, и его ничто не остановит, - твердит он, но это становится губительным и для нас, и для него.

Лада промолчала, князь только еще раз убедиться в том, что она совсем не о том думает. У нее может быть другое мнение. Она как-то жила без него все эти годы, и он понятия не имеет о том, как.

Ему показались напрасными даже эти ожидания и оправдания. Но как невыносимо было о том думать.

Ему хотелось среди ночи подняться, и броситься прочь, куда глаза глядят, но он отвернулся и заснул, потому что мчаться все равно было некуда. Он и на самом деле ничего не хотел и никого не желал.

№№№№

Когда утром князь уезжал, что-то пробормотав в ответ, ничего ему не сказала Лада, она просто смотрела куда-то и никак не могла понять, что же делать дальше. Как быть. Одно было ясно- с князем Мстиславом они больше не будут вместе.

Она видела его в последний раз. Все кончилось, еще и не особенно успев начаться.

Теперь Лада раздумывала о том, что она должна сделать, когда он появится тут. И она про себя решила, что надо открыть городские ворота и спасти город. Для чего героические схватки, если они обречены. Она знала это лучше всех, если он (Бату) хочет что-то, то добьется своего, кажется, что весь мир ему в том помогает. Все, что было связано с ее дочерью, казалось ему тогда невозможным, но она в его объятиях, и грозная ханша, и все его жены ничего с этим поделать не могут. А что говорить о граде. Его и охранять-то и защищать по-настоящему некому.

И она уже не думала о том, поймут ли они ее, смогут ли оценить то, что она для них сделала, но прыти ее при этом не убавилось.

Так бы и случилось. Если бы не исчез князь Мстислав перед вторжением татар, не появился сын князя Всеволода, Ярослав. Он объявил о том, что они будут сражаться и защищать древнюю столицу. Большею глупости и быть не могло. Но она не спорила с чужаком. Да и какой от этого прок.

Он договаривался с ним. Он еще в ее бытность в орде.

Лада очень удивилась, когда появился Ярослав в ее чертогах.

- Останови хана, мы исполним все, что он хочет, - просил ее Ярослав.

Она смотрела на него и разводила руками, пытаясь объяснить ему, что это не в ее власти. Этого вообще никто не сможет сделать.

Она знала о том, что не только с Бату, но и с князем Мстислава пересекались все время пути у князя Ярослава. Они были вечными соперниками там. И ему всегда странно не везло. И приходилось уходить то из Новгорода, то из Галича, когда там появился всегда неожиданно князь Мстислав (тот сам ей рассказывал, когда узнал, что Киев его грозный отец направляет).

И вот теперь, когда вроде бы все неожиданно утряслось, что такое, кроме черной тучи должно было навалиться на их мир, чтобы он оказался под пятой и у хана и стал его рабом.

И бывает же такое, чтобы родился в такое время и в таком месте.

- Мы согласимся на его условия, - пусть он повернет назад своих воинов, ведь это Киев.

- Это Киев, - словно эхо повторила княгиня, - если бы любой другой град, но об этом он мечтал всегда. Это не в моей власти. Он не слушает даже мать свою, а я только наложница его деда.

Ей хотелось подчеркнуть собственное положение, но князь словно и не слышал ее. Он на многое был готов ради этого города. Он уже видел поверженный Владимир. Но что еще было делать ему.

- Защищать, а потом отстраивать город.

Они оба подумали об одном и том же

-Безумие Батый погубит нас, - уверял ее князь Ярослав.

Она хотела сказать ему, что в этой бесконечной схватке не может быть правых и виноватых. Но промолчала. Она видела пламя со всех сторон, и ей было еще хуже, чем им всем.

ГЛАВА 17 БАТУ ПЕРЕД КИЕВОМ

Князь Ярослав волновалась не зря. То там, то тут вспыхивали села, Бату подошел к Киеву. И все его воинство смотрела туда, хотя они еще ничего не смогли рассмотреть сквозь дремучие леса, и пугавшие и раздражавшие степняков.

Но они понимали, что со всеми дремучими и бескрайними ласами им все равно не справиться.

И все-таки город был рядом, и хан, забыв про сон и усталость, рвался к нему, хотя в том и не было никакой необходимости.

А как он был взволнован, когда узрел град, о котором столько мечтал.

- Ему не нужен твой город, - говорила она князю Ярославу накануне., ему нужна слава и победа, но никакая сила никогда не заставит его жить там, я знаю его с раннего детства, с самого начала, он рос на моих глазах.

Только взирал на нее князь. Ему хотелось спросить, зачем нужно завоевывать город, если он даже и не нужен тебе?

Но что было сказать о том? Станный мир, странная жизнь текла своим чередом. И не было ей конца и края.

Князь не сомкнул глаз в ту ночь. Ярослав пытался угадать погибнет ли он сам, как князь Юрий под Владимиром или останется жив. Он никак не мог понять, что для него лучше. Ясно было только одно - надо потом, когда Бату уйдет, отстраивать город, и если он не умеет воевать ни со своими ни с чужими - это надо было признать, то трудиться он умеет.

В том ему позавидует любой из его братьев.

Почти не сомкнул в ту ночь глаз и хан. Когда его объятья разжались, и Забава опустилась на ложе свое походное, он видел, как она устала и растерянно в тот вечер.

Может быть, просто от бесконечных походов устала.

Она заснула сразу, он же вышел из шатра, приказав ее охранять пуще прежнего, а сам взглянул на лениво плывшую в небесах луну.

Киев рядом, он будет его завоеванием не завтра, так после завтра. Он узнал от своих, и чужих, ставшими своими, что один из его старых знакомых куда-то исчез, а второй появился.

Ему не хотелось сражаться с Ярославом, но какое это имело значение по большому счету.

Бату смотрел на стены, белевшие в тумане, и видел себя странным путником, шедшим сюда в другом мире и времени другом, и что его удивило еще больше - он узнавал эту дорогу. Это был тот самый путь. Хотя в этой жизни тут он был в первый раз.

И странная нежность и к почти завоеванному городу, и к себе прежнему, охватила душу хана. И не мог он в ту лунную ночь справиться со своими чувствами, хорошо, что этого никто, даже Забава не видела.

Он не потерпел бы того, чтобы хоть кто-то догадался о его слабостях.

В ту ночь Лада видела молодого хана во сне. Он был так прекрасен, и так неповторим.

Но она понимала давно, а теперь еще раз убедилась в том, что хану нужен город, и даже она не в силах чего-то изменить. Он и на самом деле любит этот чужой мир не меньше, чем свой собственный. Ей не хотелось лишать Ярослава последней надежды, он был совсем другим, не сделал ей ничего скверного, и она могла бы попытаться помочь ему, если бы верила в то, что у нее есть хоть какая-то надежда, но ведь надежды никакой не было и быть не могло. И в отличие от князя Мстислава ей совсем не хотелось обманывать этого человека.

Но он поторопился уйти, она просто не успела сказать ему того, что обо всем этом думает. Хотя он был умен и проницателен, потому что много страдал, и ему наверняка был известен ответ.

Но недаром говорится, что одна беда не ходит, его уже разыскивал гонец и едва нашел. Говорил он громко и она услышала то, что он хотел сказать. Только что прибыл человек из Новгорода от его сына Александра - шведы идут на город, князь юн, и он боится не удержать города.

На миг князь замер на месте, а потом произнес:

- Пусть держится, я ничем не смогу ему помочь.

Он говорил это так, словно с обрыва в воду бросался, но другого ответа не могло быть.

- Да что же такое тут происходит, - услышала рядом чей-то низкий голос Лада. И она не могла понять, кто еще рядом с ней и что такое мог говорить.

Какая ирония судьбы, она не могла не видеть, как князь Ярослав мечется между двумя мирами. И трудно сказать, что будет там со шведами, но в том, что здесь - сомнений не было никаких, они обречены.

ГЛАВА 18 В ОСАЖДЕННОМ ГРАДЕ

Это надо было признать, заигравшиеся в выяснения отношений между собой князья забыли обо всем на свете. Им казалось море по колено, а

воинство Батырево они собирались подобно древнему богатырю вырванным дубом уложить, махнул в одну сторону - половины его нет, в другую махнул, вторая половина пропала.

Два князя только не пребывали в этих заблуждениях странных, и это князь Мстислав, оставшийся в объятьях своей полонянки Лады, и сын князя Всеволода, главного из игроков и интриганов того времени.

Только эти двое, успев побывать в татарском стане, видели своими глазами, сколько дубов и сколько богатырей надо для того, чтобы расправиться с ханом Батыем. И если протрезветь и признаться, хотя бы себе самому, то не было у них тех богатырей, а если на бескрайних просторах и затерялись они где-то, то кто же соберет их в нужный момент, кто в сражение поведет.

Хан рвался к Киеву, и он захватит град этот. Князь Ярослав в те дни метался в чистом поле, воя как волк раненный от бессилия, и думал о том, хватит ли у него сил не только хотя бы как-то противиться хану, но потом город отстроить, если, конечно, останется, жив, а в том, что останется, он особенно и не сомневался, скорее всего, никто его не троне, хану нужен живой и покоренный князь, а не мертвый, потому что он из своего далека управлять станет и дани ждать от него, и пойдет он с поклоном и повезет дары немалые.

Он видел, когда вернулся, как взглянула на него княгиня, она долго разговаривала с гонцами из Новгорода, обещала им, что как-то поможет Александру.

Он знал, о чем она будет говорить, тот разговор ему передали его люди, да и самому догадаться не трудно было.

Жестом остановив ее, он резко повернулся ко всем воеводам своим - это был самый грустный и тихий пир в его жизни, и произнес:

- Нет надежды, идите и скажите сыну моему, что ничем я помочь ему не могу. Бату хан не нынче так завтра на нас обрушится. Пусть держится, как может.

Княгиня молча отпустила глаза, она знала, каких усилий ему стоило эти слова произнести. Она хотела, разрыдаться и убежать к себе, но знала, что должна остаться, она была с ним всегда и теперь оставалась до конца рядом со своим мужем в горе и радости, если бы там в Новгороде не оставался ее совсем юный сын, тогда другое дело.

Но и отец ее князь Мстислав тот самый был точно в таком же положении, они оба видели уже все самое страшное, и не могли верить в сказки и мечтать о несбыточном.

Как странно все переплелось в судьбе княгини Ростиславы - отец- муж- сын.

Беспомощность - самое страшное, что могла подарить им судьба, и ожидание, тягостное ожидание собственного краха и рабства. Она должна была все это пережить сполна.

Княгиня слышала историю о том, что отец был влюблен в какую-то деву, оказавшуюся в орде. Хотя ей особенно никто ничего тогда, в детстве не рассказывал. Теперь кто-то из ее людей говорил о том, что он привез ее и прячет где-то и из-за этого все беды в их мире случаются. Она не верила в это, в то, что они страдать будут из-за одной неведомой им женщины. Была она или нет, но Батый бы все равно пошел на них, потому что он должен покорить этот мир со всеми его просторами и богатствами. И все-таки было обидно знать, что отца ее винули сначала в том, что он остался жив, когда почти все русские князья погибли под пятой Чингисхана, а теперь в том, что это он привел на Русь татар - и то и другое было грубой ложью. Но слыша это снова и снова она не могла не страдать, не переживать вместе со всеми. И больше, чем многие.

Княгиня ушла с пира раньше, князь Ярослав был совершенно трезв, но никак не мог подняться со своего места. Он прошел сначала мимо ее покоев, потом все-таки зашел туда, потому что видела, как она грустна, и считал себя главным виновником ее страданий.

Он вспомнил, как объявил отец о том, что его женой станет дочь князя Мстислава Удалого. Так было бы в любом случае, потому князь Ярослав только молча на него взглянул. Но когда он увидел ее, то понял, что ему повезло с женой. Она была именно для него и создана.

- Я не хотел надежды оставлять, - говорил он, - пустые обещания, кому они нужны.

Она подошла к нему ближе и заглянула в глаза его:

- Ты не должен оправдываться, это я хотела невозможного. Нам и Киева не отстоять, а Александру, да, что он справится со всем.

Ничего больше не сказали они друг другу, но с ней рядом даже молчать ему было делом приятным и вовсе не обременительным.

Когда на следующее утро появились дозорные и объявили о том, что хан у порога, его отряды тут и там появляются, он только устало вздохнул, и мысленно посетовал на то, что сказать нечего.

№№№№№

Почти в тот же самый момент о грядущей беде узнал и князь Мстислав. И его люди ворвались в загородный дворец князя, чтобы сообщить ему, что татары повсюду. Им мало полыхавшего Владимира, надо и на Киев сожженный взглянуть.

Князь, немало видевший и переживший в своей жизни, порывисто взглянул вдаль. Он думал о дочери и зяте и не хотел, чтобы они думали, что он умчался от них в самый трудный момент. Хотя, если верить гонцам, то может случиться так, что они вообще завтра ни о чем думать не смогут. И возможно погибнут, как те, кто были до них. И что самое смешное - это для них не самое страшное, ведь наверняка, его не обманешь, наступили времена, когда живые позавидуют мертвым.

Ему очень хотелось знать, о чем думает в эти минуты полонянка. Но она молча взидала куда-то вдаль и не о чем говорить ему не собиралась. Какая

странная женщина, как смеет она владеть думами его. почему, по какому праву она пытается вершить судьбами мира.

У князя были ответы на эти вопросы. Но ему даже и думать о том не хотелось на этом деле.

ГЛАВА 19 НОВОЕ СВИДАНИЕ

Черной тучей неслись к граду татары, когда Лада добралась до них и хотела все-таки остановить Батухана, или как-то задержать его хотя бы, было слишком поздно.

Она только с пригорка, поглаживая коня своего смотрела на то, как они пробрались к городу. И золотые стены Киевские, если уже не были распахнуты, то такое случится еще до заката, она просто кожей чувствовала это и понимала, что все кончено.

Она все еще злилась на князя Мстислава. Он так и не смог, и видно никогда не сможет искупить свою вину перед ней, но ей было жаль грустного и несчастного зятя его. И что-то древнее, славянское теплилось в разгоряченной груди.

Она бы не поверила, если бы узнала, что примерно то же чувствовал и сам Бату, но уже после того, когда бесстрашные воины его пошли в наступление. Если бы это случилось раньше? Но что бы произошло, если бы это случилось раньше?

Ожидание самое страшное и тягостное, что может быть в жизни воина, особенно, когда все уже предрешено. И если бы даже он отложил это нынче, завтра бы случилось то же самое, а потом он даже не пытался этого сделать.

Лада увидела его. Но теперь она рванулась к ним, только за тем, чтобы разыскать и обнять дочь свою.

И уже на полном скаку она поняла, что та может ее не узнать, потому что на ней была непривычная, незнакомая и очень дорогая одежда, которая

вероятно изменила ее до неузнаваемости, она и сама от нее отвыкла, а что говорить про дочь, та и не видела ее никогда прежде.

Но желание встретиться было так велико, что она забыла о том, да и о чем думать, если переодеться она никак не могла, и старое ее одеяние, было сожжено князем тайком, как лягушечья шкура. Он ни чем и слышать не хотел, и видеть не желал тех нарядов, в которых еще какое-то время оставалась его возлюбленная.

Самые дорогие одеяния сотворили за это время самые искусные мастерицы. Ему хотелось нарядить ее так, чтобы никакая княгиня с ней не сравнилась. Словно он должен был отдать ей должное за все эти странные годы лишений. Хотя это скорее он просто он себя успокаивал, о каких лишениях шла речь, если ханские наряды, пусть и не привычные для него, но стоили они не меньше.

Но в этом странном противостоянии было что-то роковое, что должно было не только тело ее обрядить, но и душу разорвать на две половинки. Что она могла чувствовать, о чем думала, только когда это волновало мужчин, даже если речь заходила о любимых женщинах..

Ни Бату, ни князь Мстислав в то время не могли думать ни о чем, кроме того, что должно было случиться к закату того самого дня - падение древнейшей столицы.

Город был обречен. Что оставалось делать князю? Он слушал рассказ священника о древности. И такое бывало в те дни, часы, минуты. Вернее, монах рассказывал ему о том, что вычитал из старинной летописи накануне, а в те минуты он просто вспоминал услышанное, и странный голос его звучал в ушах.

ПОСЛЕДНИЙ ПИР

Закат был кровав в тот вечер. Об этом говорили все в Вавилоне. Страшно были собаки. Люди прятались по домам. Сколько дурных снов приснилось, сколько пророчество было послано им. Это не могло быть случайностью. И в

ужасе прятались они и пытались угадать и понять, что еще можно сделать, как им поступить дальше, но что тут придумаешь, если мир рушится. И только царь, он словно ничего не видел и не слышал. Он не хотел никого слушать.

Когда во дворце появился жрец, Валтасар усмехнулся. Он жестом приказал ему замолчать и указал на ту комнату, где их никто больше не мог увидеть и услышать.

Жрец упал перед ним, но он не собирался его поднимать. Он усмехнулся, пусть в таком положении попробует ему рассказать о том, зачем пришел.

- Ты скажешь мне по великому секрету то, что известно всем, - говорил царь,- и я должен одарить тебя за это?

- Спаси себя и свой мир, - едва слышно прошептал он.

-Ты так наивен и глуп, что полагаешь, будто Вавилон можно спасти? - подступил к нему царь.

Жрец хотел сказать о том, что ни его, ни его мира ничто уже не спасет, но промолчал, ему не хотелось умереть сейчас, ему не хотелось встретить смерть в темнице, пусть это случится завтра. Но каждый миг жизни - это великое счастье. Жаль, что он не понимал этого прежде, совсем не ценил жизни своей.

- Значит, мой мир можно спасти, - задумчиво говорил царь, расхаживая по комнате,- а если нет, то какой смысл тебе было являться сюда, глупец.

Ничего и на это не сказал несчастный. Он и сам не знал, какая сила его толкнула к обреченному царю, намного проще было бы остаться дома и ждать смертного часа. Но он все-таки пошел. Возможно, взглянув в глаза царя, хотел понять, что тому известно, как спасти этот мир, и тогда и в его душе появится надежда, пусть призрачная, но все-таки надежда.

- Встань, - рявкнул Валтасар, - если ты знаешь, что завтра мы погибнем, то есть ли смысл так унижаться? Разве в последний день свой ничтожной жизни ты не можешь оставаться свободным перед своим царем?

Как странно прозвучал этот горестный вопрос. Он и прежде знал, что их царь мог так повернуть все, что любого поставит в тупик, и получишь ты совсем не то, что ожидал, зачем пришел к нему. Ему нравилось так издеваться над людьми, особенно когда он видел их слабости.

Что было на это ответить, он просто хотел жить, в любом случае, в любом положении. Только теперь, когда персы стояли у ворот, он вдруг понял, как жизнь прекрасна, как она великолепна и как не хочется с ней расставаться.

- Они не оставляют пленных, - выдохнул он.- Мы должны покинуть город, пока еще есть возможность, о мой царь.

- Конечно, не оставляют, уж меня и тебя не оставят точно, тогда о чем же нам с тобой так волноваться?

Ничего на это не ответил жрец, властелин показался ему безумным.

Он пытался понять, потерял ли тот окончательно страх или только рисуется перед ним, если они и на самом деле обречены.

- Они не оставляют пленных, им не нужны чужие жрецы, персы дики и это будет не жизнь, - думал в это время царь,- тогда зачем думать о завтрашнем дне и пытаться что-то сделать.

Он и не пытался.

- Иди, убирайся, покинь город, ты спасешь себя, если тебе так хочется жить.

И тут жрец в первый раз осмелел, он почувствовал, что ему больше ничего не угрожает, и он решил узнать:

- А тебе, который имеет все, тебе совсем не хочется жить?

Это казалось невероятной дерзостью, но вопрос был задан, и властелин решил ответить на него:

- Просто жить, скитаться на чужбине - нет, я был царем, царем и умру. Но ты им никогда не был и тебе не понять этого, только твари тебе подобные, хватаются за жизнь, готовы питаться падалью, и на все согласны, но я так не могу, не могу и не хочу. Я все сказал. Убирайся.

Он и сам удивился, что сказал это, и когда слова были произнесены, он уверился в том, что все так и есть, что давно и мучительно он думал о том, и только сейчас смог озвучить то, что всегда было его жизнью.

Жрец незаметно ушел. Он никогда не был царем, и он не собирался умирать, тем более теперь, когда в пылу страсти владыка освободил его от всех обязательств, ему словно нужно было освобождение, позволение.

№№№№№№

Воины еще отчаянно бились с персами, но силы их были неравны. Царь запретил им о том говорить, но последнему смертному было понятно, что завтра они начнут тут хозяйничать. Он отшвырнул кого-то из слуг своих и направился в Капище.

Странно пустым был этот храм, когда его жрец стал безымянным странником без рода и племени, что можно было требовать от бога, допустившего это? Он и не требовал ничего, просто стоял и смотрел на зловещий кумир.

Кто-то наблюдал за ним из укрытия, две пары любопытных испуганных глаз. Смельчаку казалось, что раз властелин пошел в храм, то может что-то измениться, и совершится чудо, и они будут спасены. Как они все, ничтожные и слабые, надеялись на чудеса, и только он один в этом мире знал, что чудес не бывает, и не стоит себе и другим морочить голову.

- Если наш бог ничего не может, то, что же требовать от нас, - задумчиво размышлял он, но что остается? Можно все эти дни провести в схватках, проливать свою и чужую кровь, можно, но должен ли он так поступать? Если нет никакой надежды на спасение? Если жить ему в своем мире осталось так мало. Да и кто сказал такую чушь, что умереть надо обязательно в бою. В бой надо идти только если веришь в победу, а если нет, тогда нет никакого смысла так умирать.

И вдруг царь захохотал, он и сам точно не знал, что могло его так рассмешить в пустом храме, из которого сбежал последний жрец. Но он смеялся и не мог остановиться.

Потом резко замолчал, повернулся и отправился прочь, в свой дворец.

- Это будет самый веселый и яростный пир, - говорил он кому-то из вельмож, растерянно семенивших рядом, они и в эти последние дни оставались его верными рабами, одни просто не верили в то, что он может пасть, другие не решились перечить даже почти поверженному царю, а третьи просто пытались подражать ему. Кто-то сбежал к персам и пытался выторговать себе жизнь в новом мире. Ему доложили о том.

- Пусть живут, если смогут, люди привыкают ко всему, а у меня остался только этот пир, но он будет великолепным.

Они говорили друг другу, что царь безумен, как только Валтасар скрылся. Но другие отвечали, что для безумца, и для обреченного на смерть он слишком спокоен, тогда что же он собирается делать.

На то, что случится чудо, и их мир останется прежним, верилось все меньше, теперь они пытались угадать, как поступит их царь, что он предпримет, им хотелось остаться вместе с ним, а не с чужаком, но для этого надо было что-то сделать.

- Пир? - переспросил кто-то, - но что может случиться на пиру, а если он пригласил их царя и там прикажет убить его.

Долго обсуждали такую возможность, но решили, что это вряд ли, и сам он проживет после этого не на много дольше. Хотя безумство храбрых может быть и спасет его. Поверить в то, что их царь ничего не собирается предпринимать, никто не мог.

А он подошел к столам и пристально следил за тем, чтобы самые лучшие блюда были выставлены, чтобы стол был таким, от которого невозможно оторвать взора.

- А где утварь из храма? - сверкнул он очами.

Они только что разорили христианский храм, хотя его жрецы умоляли это не делать, считая дурным знаком, но по его повелению собрали все чаши, которые там были, и все, что представляло собой ценность.

Вот и теперь, даже неверующие в чужого бога не решались пользоваться тем, что они отняли насильственно, и только он посылал слуг за теми самыми чашами:

- Они должны стоять на столе, и не смейте мне перечить, иначе я не стану дожидаться персов и помогу им расправиться с вами. Никто не сомневался в том, что именно так все и будет. А самые прозорливые понимали, что он бросал вызов небесам, и были уверены в том, что громы и молнии обрушатся на их головы.

Но пока ничего не случилось. Яростно слепило солнце. Оно готово было спалить все вокруг, блестели чаши из чистого золота и серебра. И полюбовавшись на дорогое убранство, царь самодовольно усмехнулся.

Странные это были минуты для Валтасара. Наверное, он единственный, молодой и здоровый, жил, зная, что завтра его не будет в этом мире. И он смотрел на этот мир в последний раз, и старался его запомнить таким, и ни за что не позволил бы себе впасть в уныние, ни боги, ни победитель никогда не смогут такого с ним сотворить.

Так же будет светить солнце, суетиться эти или другие люди, но его не будет. Обычно смерть обрушивается внезапно в самый неподходящий момент, и только у избранного небесами есть право самому выбирать свою смерть, и он выбрал пир.

А почему бы и нет, можно озверело бросаться в сражение, сокрушать все на пути своем, убить как можно больше врагов, и самому погибнуть. Но он не хотел этой напрасной суматохи. Он никогда не был трусом, и когда оставалась надежда на победу, отчаянно сражался, стоял до конца и побеждал, но это было прежде. А теперь, когда ему было отпущено несколько дней или часов (может быть и так), он хотел пировать.

Ведь и уйти из мира можно по-разному. Если он уйдет в сражении, побежденным и поверженным, что он заслужит, кроме презрения, когда и где любили побежденных, тогда зачем напрягаться.

Если же он умрет на пиру, они и враги и потомки будут помнить о том, что он не просто был спокоен, но и пировал назло своим врагам.

Почти без колебаний он выбрал этот путь.

№№№№№№

Персидский царь ждал своего лазутчика. Он хотел узнать только об одном, что делает обреченный на смерть Валтасар.

Зная о его хитрости и храбрости, Перс не хотел быть одураченным, он знал, что победит, но он не знал, что ему делать с Валтасаром, из-за какого угла он на него обрушится, где будет прятаться, и как захочет расправиться. Любому понятно, как быстро победа может обернуться поражением, и глазом моргнуть не успеешь.

-Валтасар пирует, - заговорил один из вельмож его, только что тайно вернувшийся из осажденного города.

Слова прозвучали так странно и нелепо, что поверить в них было невозможно.

- Пирует? Так что же он празднует, собственную смерть? Я никогда не слышал о таком.

- Никто никогда не слышал, но он всегда и был непредсказуем.

Перс насторожился еще больше, он понимал, что у врага его есть какой-то коварный план. Когда перед ним бросили только что пойманного жреца, он пнул его в ярости.

- Это он прислал тебя, ты хочешь пригласить меня на пир своего Валтасара и расправиться? Ты решил еще послужить ему, несчастный, и думаешь, что после этого я тебя оставлю в живых.

И напрасно пытался объяснить ему жрец, что нет у него никакого приглашения, что он хотел спастись из рухнувшего мира. Ничего не слышал и

не хотел слышать взбешенный перс, он думал о своем, и на каждом шагу чувствовал измену. Он уже считал себя победителем, но понимал, что и победителя может смертельно ранить плененный и почти мертвый враг.

И тогда, понимая, что ему не выжить, вспомнив усмешку своего царя, жрец вдруг распрямился, и сам дьявол в душу его забрался, потому что голос его грозным и яростным показался, так иногда он вещал от имени бога своего:

- Никогда не будет сидеть мой царь рядом с тобой за одним столом, он и не думал тебя приглашать к себе. Ты можешь убить его, но сломить тебе не удастся, вот ты и бесишься, как дикий зверь. Я хотел спасти свою жизнь, но рядом с тобой никакая жизнь мне не нужна. Мне жаль только того, что я так подло бросил его и не смогу к нему вернуться, и остаться с ним до конца.

Воцарилось молчание. Перс не сразу понял, о чем тот говорит. Он только почувствовал великую дерзость и оскорбление.

Кто-то уже воткнул нож жрецу в спину по его знаку, и бездыханное тело потащили прочь, но он понимал другое - надо будет убить всех, кто был рядом и слышал эти речи, потому что есть такие слова, которые никак не перенесет истинный владыка. Жаль, что были свидетели, но кто же мог подумать, что ничтожный жрец будет так дерзок с ним.

№№№№№

Пир был в самом разгаре. Царь Валтасар веселился от души. Он славил древних богов, и проклинал нового бога, сделавшего мир таким рабски слабым и беззащитным.

Его пытались отрезвить пировавшие рядом с ним вельможи. Но ничто не могло остановить его:

- И хорошо, что нам не придется жить в этом рабском и ничтожном мире, где они распинают своего бога, и любят на его распятие.

И вдруг странная тишина повисла над ними.

Царь не понимал, что они там узрели, за его спиной на стене. Но он увидел, когда резко повернулся, что там полыхали какие-то слова. Никто и

никогда не смог бы разобрать их смысла, в том не было сомнения. Царь вспомнил, что сбежал его жрец, и некому растолковать древние письмена. Но нуждались ли они в переводе.

- Успокойтесь, там написано, что наш мир погиб, - говорил он им, словно это и без того не было ясно.

Еще больше стали трястись от ужаса люди, кто-то давился дорогим вином, кто-то от страха готов был лишиться чувств.

И только царь распрямился и стоял под этими словами. И странное пламя окружало его со всех сторон. Кому-то показалось, что он был охвачен этим пламенем и сторит заживо, но этого не случилось.

- Ты хотел напугать меня, - обратился он к неведомому богу,- но пусть лучше погибнет мой мир, только он не достанется тебя, никогда не достанется, - говорил Валтасар, - и я буду последним царем в мире, который не был тебе угоден.

Странно быстро наступил рассвет. Валтасару сообщили о том, что персы ворвались в город. Он поднял последний кубок и бросил туда специально приготовленный яд. Помедлил немного и выпил его до дна в тот момент, когда дикий шум приближался к его дворцу.

- Если они и распнут меня, то только мертвым, а ты позволил это сделать им живым, муки терпел, да какой ты бог.

Больше ничего сказать и подумать не мог царь. Его тело лежало на ковре. Уже не было никого из пировавших с ним, они разбежались и попрятались, ожидая расправы дикарей.

Когда персидский царь вошел во дворец и огляделся вокруг, он увидел, что его не обманули накануне, эти люди и на самом деле пировали. Он взял в руки тяжелый кубок, но отшвырнул его, боясь, что там может быть яд, он решил, что Валтасар из укрытия подглядывает за ним, но в тот момент кто-то указал ему на мертвого царя.

- Это он, - то ли спрашивал, то ли утверждал перс, - он не мог сказать ничего точно, и решил, что, возможно, его разыгрывают, и перед ним актер в

царском одеянии, а Валтасар на него обрушится, как только они упокоится и поверит своим глазам.

Он пожалел о том, что убили жреца, тот мог точно сказать был ли это Валтасар или только двойник его, подставная кукла. Победитель не знал, какой ответ ему хотелось услышать.

Ему не было покоя ни днем, ни ночью в захваченном городе. Он все время ждал только одного - внезапного удара. Поверить в то, что противник ушел так просто он никак не мог.

И только покинув проклятый город, он немного успокоился. Но и вдали от него он видел пустой дворец, где только что оборвался странный пир, и тело царя, так перепугавшего его. Валтасар не давал ему покоя ни днем, ни ночью. И в смерти своей он смог перевернуть все с ног на голову.

Никогда не забудет царь кошмара победы, никогда не забудет он триумфа поражения вавилонского царя Валтасара.

№№№№№№№№

Как ни странно, это повествование немного успокоило князя Ярослава. Он понял, что и до него и более могущественные владыки проигрывали свои сражения, и остается просто вести себя достойно, у него нет другого выхода, нет, и не будет никогда. Все предрешено, а если так, то можно было и шагнуть в эту пропасть.

А что еще ему тогда было делать. Батухан хотел только поскорее покончить с этим и выполнить обещание - подарить Забаве - единственной своей возлюбленной проклятый этот град.

И теперь он был близок к цели, как никогда.

ГЛАВА 20 ЗАВОЕВАННЫЙ МИР

Все произошло так, как и было предначертано. Древний город пал. Князь Ярослав сражался вместе со своими воинами, но его не тронул грозный хан,

как он и полагал с самого начала, не самому же ему хоронить убитых и снова отстраивать город, для этого есть князь Ярослав.

Пока он умчался на закате с воинами своими, как же мало их осталось, в неизвестном направлении, но скоро вернется назад, это точно. Как только надоест хану за высокими стенами оставаться, и рванется он в степи свои бескрайние, так и вернется снова князь, потому что есть и навсегда с ним останется этот город, и мир его горемычный.

№№№№№№№№

На закате входили татары в полыхавший Киев.

Они дошли, они захватили его.

Забава смотрела на странный град, он пугал ее, и не только потому, что то там, то здесь огонь мелькал и готов был спалить победителей на всем пути. Но еще и потому что не смогла бы она жить в таком городе. Ей казалось, что в каждом строении его, за каждым забором, уж не говоря о храмах и дворцах, здесь таилась страшная опасность, от которой никуда не деться, все было спрячено и ничего нигде нельзя разглядеть - вот в чем беда.

Они остановились под сводами Софии, испуганный священник вышел к ним, и стал, щурясь, вглядываться в их лица. Как горько и странно было видеть ему тут этих людей.

Он не сразу понял, о чем просил его хан, а может быть, просто удивился тому, что тот так говорит на их языке, что и не понял значения речи его.

- Венчаться, - растерянно повторял старик, кто зачем, почему.

На лица хана мелькнуло раздражение, и старик понял, что с ним лучше не шутить.

И тогда он, наконец, повернулся к девице, которая стояла рядом с ним. Более странного создания за свою долгую жизнь он не встречал никогда. Она была и славянкой и не славянской одновременно. Уж очень не похожа ни на своих, ни на чужих. Хотя ему и не доводилось особенно видеть татарских женщин, но что-то подсказывало ему, что она не из них. Тогда кто же она?

- Она моя дочь, - услышал он голос той, которую приводил к нему князь Мстислав в бытность свою здесь

- Лада, - повторил он проклятое имя древней богини, но только так себя называла эта странная женщина.

- Ты не узнал меня, старик, если Бату просит это, лучше исполнить, мне не хочется, чтобы в твоём храме пролилась кровь. Не зли его.

Но все и без его слов поспешно готовилось к обряду, хотя более странного зрелища видно никто никогда не видел.

Но победитель мог требовать всего, чего бы ни пожелал. Священник путал слова, забывал что-то. Оставалось надеяться на то, что этого все-таки никто не заметит.

Когда завершилось это странное действие, он поспешно ушел. Хан взглянул на Ладу, и странный блеск возник в глазах его, словно самое большое и важное дело в жизни его уже совершилось.

№№№№№№

И было еще одно событие в жизни полонянки в те странные дни, после всего пережитого и пройденного, она снова шагнула навстречу к своему темнику, как только закончилась схватка, рискуя оказаться убитым он повсюду искал ее, и уже почти отчаялся, никто из русичей не смел его тронуть, они были слишком подавлены. А то и раздавлены вовсе. Но он нигде не мог найти и Ладу, и самые страшные предположения теснились в душе его. Но он даже думать не мог о том, что ее могли убить, спрятать навсегда от него.

И только шагнув в храм, он увидел ее и глазам своим не поверил - этого не могло быть, и он бросился к ней, даже не обращая внимания на хана, на то, что там что-то происходит.

Лада отошла вместе с ним в сторону, и почувствовала его горячее тело. Она понимала, обнимая его в чужом, все-таки чужом храме, что ждала этого часа все эти дни и месяцы, и не важно где они встретились, даже если это главный храм, она была с ним, с ним и останется навсегда.

Еще несколько дней провел князь Ярослав во владениях тестя своего под Киевом.. Он знал, что огонь потушен, и захватчики собираются покинуть город, все идет так , как и должно было. Ему ничего не оставалось больше, как взглянуть на дружинников своих.

Но было и еще одно в те горестные дни событие, они узнали о том, что сын его и внук Мстислава под Новгородом, на реке Неве одержал победу над Шведами. Он знал, что так и будет, и все-таки на фоне всего, что творилось в это как - то очень трудно было поверить. Радость со слезами на глазах - вот что такое было тогда, для русского князя, потерпевшего самое сокрушительно поражение.

Князь Мстислав и на этот раз пока оставался в стороне. С завидным упорством ему все время удавалось обходить самые горькие события, наблюдать, переживать, но не участвовать. Сказать, что он проиграл никто не смог бы, это было поражение сына Всеволода, князя Ярослава. Кто-то должен был взвалить на свои плечи весь груз и тащить его дальше, а как по-другому?

Он поможет ему во всем. Но в тот момент, когда на небесах он предстанет перед предками своим и могучими и ничтожными, они не смогут упрекнуть его за то, что он проиграл в этом сражении.

И это утешало, если их всех хоть что-то еще могло бы утешить.

ГЛАВА 21 НА РАЗВАЛИНАХ, В ДЫМУ И ОГНЕ

В то утро, в загородном дворце князь Ярослав пробудился в страшной тревоге. О сразу же понял, что не станет больше прятаться, надо посмотреть правде в глаза и встретиться с Бату, если он сам был у него и поедет снова в орду, то почему в своем мире он должен скрываться.

Да это поражение, страшное поражение, но они не перестали от этого жить.

Удивленно смотрели на князя воины, еще вечером они вроде никуда не собирались, так что же это вдруг?

Когда они узнали, что едут в захваченный татарами Киев, то встревожились еще сильнее. Они могли радоваться тому, что уцелели, и теперь снова подвергать себя опасности ради капризов своего князя.

Окажись на месте Ярослава легендарный Святослав, даже Мстислав, им и думать не пришлось бы, а тут они решили все-таки пороптать немного, но у них пока был только один, хотя и жизнь тоже одна, и ее не хотелось отдавать так просто, особенно после драки, после поражения.

Но опасения были напрасными, с побежденными и покоренными его воле воевать Бату не собирался. Он даже приветливо встретил князя.

- Я слышал, Ярослав, - говорил он важно глядя сверху вниз, - что сын твой шведов разбил. Он и на самом деле так силен, или ему просто слабые враги достались.

Хан не скрывал своего торжества и не особенно выбирал слова.

- Он отважен и скорее в своего деда, чем в отца пошел.

- Думаю, и с тобой и с ним мы встретимся еще, я знал, что три придешь.

На рассвете мы оставляем твой город, Забаве душно здесь.

Что? - не понял князь, ему показалось, что он услышал имя древней богини, на самом же деле, и он от Мстислава и Лады слышал о ее дочери и о его, вероятно, хотя сам князь так не говорил, но это чувствовалось. Но поразило его то, что хан о ней говорил и думал в такой момент, да кто же этих ханов и когда понять может.

На вечерний пир прибыла княгиня. Три женщины встретились за этими столами.

Лада с усмешкой думала, что дочь Мстислава в другое время даже и не взглянула бы в ее сторону, но что ей остается теперь? Она сама здесь только из ханской милости, и он если захочет... Но он не захочет, это княгиня могла о

чем-то думать, чего-то опасаться, она этого мальчишку знала с детства и лучше, чем его собственная мать, она всегда знала чего он хочет, а чего нет. Княгине не о чем было волноваться, и она тихо сказала ей о том.

- Что? - спросила ее та - я не понимаю

Все она прекрасно понимала. Наступили такие времена, когда не одна она (Лада вспомнила, как ей бросали еще недавно обидные слова русские девы), а любая из них может себя считать полоняжкой, мальчишка, которого она любила, воспитывала и обучала языку уравнил их в положении. В тот момент, на княжеском пиру, ей казалось, что он и этот мир завоевал потому, что хотел этого. Она знала, что чувствует княгиня, но не могла знать, что ее собственная дочь рядом с ханом чувствовать может. Если кто-то и был для нее настоящей загадкой, так это именно она. Недаром так смотрел на нее, словно на иноземное животное священник

И вдруг Забава подумала о том, что они с княгиней, вероятно сестры, как странно и смешно было думать о родстве, они были дальше всех дальних, и это останется неизменным.

Но все это было только одно мгновение, а потом они исчезли, и Ярослав перестал думать даже о хане, о мире, вторгшемся в его жизнь, обо всем, что их недавно так потрясло, ему надо было отстроить свой город. И более важного дела в его жизни не могло быть.

ГЛАВА 22 ВЕРОЛОМСТВО

Все это время уклонялся князь Мстислав от встречи с ханом, и Ярославом, он был уверен в том, что Лада остается в своем заточении и заботиться ему не о чем, и только в то утро, когда князь отправился в осажденный город, как-то странно и тревожно ему было.

К вечеру он не выдержал и отправился туда. И тревоги его оправдались. Он только пустые залы и комнаты и обнаружил там. Никого и ничего не было больше.

Мстислав растерялся, он понятия не имел о том, что ему теперь делать.

Он не знал где она, и даже представить себе не мог, что после всего, что он для нее сделал, она могла его оставить.

Князь успокаивал себя тем, что если она куда-то и ушла, то вернется, она проводит свою дочь и снова будет с ним.

Он остался ждать ее там, почти всю ночь не спал и вскакивал, хотя глупо было среди ночи куда-то отправляться.

В полдень , когда кто-то из его гонцов сообщи князю о том, что Батый покинул город, он понял , что она не вернется больше. Но не могла же она снова с ними туда отправиться, она даже и слова ему о том не говорила.

Словно она и на самом деле была так глупа, чтобы ему о том сказать.

Словно зверь лютый пробирался он туда, боясь, что не догонит их. Никому из самых верных людей не мог он поручить такого. Он один знал, чего хочет, потому туда и отправился теперь.

Они стояли в степи, полыхали костры. С огромным трудом он отыскал ту, которую искал.

Каких же усилий стоило ему ждать теперь и смотреть, как он обнимает ее, их шатер стоял на краю, они словно бы испытывали судьбу, или просто были уверены в том, что им больше нечего бояться.

Сколько раз говорил себе князь Мстислав, что он должен уйти, что не стоит с ними связываться.

Но он не двигался, и уйти никуда не мог. И только когда все улеглось, пробрался он туда, там, где они лежали, обнявшись, и вогнал кинжал ему в спину. Князь бил точно и один раз, как в сказке, когда после второго удара дракон должен был ожить.

Когда Лада пробудилась, от невероятного удара, она схватилась за меч, но его уже не было рядом, и только кинжал его остался там, и она не спутала бы его ни с каким другим. Гордился им князь и хвастался всегда перед гостями своими.

Когда ворвались к ним воины, они подтвердили, что князю удалось улизнуть

Когда хан вошел в шатер, он только взглянул на замершую от горя Ладу, она обнимала мертвое тело, и никак не могли оторвать ее от убитого темника.

Вероятно, в те поздние часы князь Мстислав решил собственную судьбу. Он и сам понял это, только не слишком ли поздно такое случилось?

Зачем он так поступил с той, которая ничего не могла ценить и все равно его покинула сама. Но то, что она предпочла чужого, это и стало главным и решающим для него. Это его зять со всем смирился, он не собирался этого делать, потому и должен быть наказан самим ханом.

Поспешно разводили поминальный костер. Он больше не мог и не хотел ничего. Только бы поскорее уйти из этого жуткого мира, в котором все не то и не так. Где в безрассудстве своем побежденные князья ничего не понимают, и совершают дикие даже для степняков и язычников поступки.

А Лада, глядя на тело его, понимала, что она не может быть счастлива, что обязательно с ней в тот самый момент должно что-то случиться, и когда кажется, что можно ненадолго успокоиться тогда все и начинается по-настоящему.

Лада понимала, а те минуты горести, что ей больше нечего ждать и незачем жить. С тревогой на нее смотрела Забава. Они хотели понять, что она задумала, эти двое молодых и влюбленных.

Но они не могли угадать и предупредить того рывка, когда в последний момент с диким криком она бросилась в тот самый костер. И пламя охватило ее. Бату хотел послать туда людей, но Забава и сама не поняла, почему, остановила его. Где-то в глубине ее памяти вспыхнули все те самые дни, когда туда же шагали их далекие бабки, без боли и сожаления за своими мужьями. И старое вдруг проросло и проступило в новом с какой-то странной силой. И он снова удивленно на нее посмотрел. Сколько лет прошло, а она продолжала его удивлять.

Такое могло быть в их жизни и случалось порой.

Слухи о том, что произошло после его побега дошли и до князя Мстислава, он не поверил тому, что они и считал это просто очередной сказкой.

И только когда она приснилась ему, охваченная пламенем, он понял, что это так и есть. Потому что успел убедиться, сколько раз сны сбывались. Но что мог он сказать на это, все было сделано. И только горящая возлюбленная все время оставалась рядом до самого его смертного часа.

ГЛАВА 23 БЕССИЛИЕ

В тот странный вечер, когда все были в Киеве, и даже сам князь Ярослав был занят делом, Мстислав оставался в одиночестве. Он много пил, вспоминал о ней и думал о том, что вся его жизнь - это противостояние с татарами.

Сначала Чингисхан, потом пришел Бату и отнял у него все. И сам удивительное, что этот мальчишка, который в сыновья ему годился, не перед чем не остановился и оставался все время победителем. Как такое могло быть? Он этого понять и объяснить никак не мог.

- Почему мне довелось прийти в этот мир и в этот час, если бы любое другое время ему досталось, каким бы оно не было, его бы запомнили на века. Теперь может быть, тоже вспомнят, только интересно что именно. Эту странную историю или то, как ему удалось уйти от Чингисхана, оставив в плену свою любимую и нарожденную дочь. Прямо скажем, не самые радостные воспоминания, но других все одно не было.

Ему хотелось после гибели его возлюбленной, приблизить дочь, но он понимал, что это невозможно, она останется с ханом. Из-за нее он разгромит их еще раз, не перед чем не остановится.

Но ведь это его дочь, хотя чушь, она никогда не принадлежала ему, и не могла принадлежать.

А тем временем татары возвращались в орду. Они понимали, что все кончено на этот раз, нет больше никого, кто мог бы стоять у них на пути. Им хотелось немного передохнуть и набраться сил.

Бату мог сказать своим, что он добился многого из того, что было задумано и не о чем ему особенно желать больше. Хотя он уже успел убедиться в том, как трудно ему придется с побежденными, какие они странные, но он молод и полон сил, а потому со всем справится.

Забава удивленно смотрела на хана. Она могла сказать, что в нем вся ее жизнь, что нет в мире этом другого такого человека, нет и быть не может. И она помнила тот обряд под палящими лучами солнца, и была благодарна судьбе за то, что в ее жизни была такая любовь.

И только темник и мать, почему у них все так сложилось. И самое страшное, что в том виноват был ее отец. Не тот, кого принято винить во всех бедах, а именно он.

Но они потом обо всем забудут, все переиначат, потому что легко списывать на чужих и трудно признаться в том, что виноваты сами. Мать ей с самого начала о том говорила, теперь и она могла убедиться, что это так и есть. Но она бессильна была с отцом бороться, и изменить тоже ничего не могла.

Полыхающий город, княгиня с ребенком на руках, камнем летящая со стены и удар жуткий, она не сможет забыть этого до конца, и она не хотела бы остаться в том мире, и жить среди них. И как хорошо, что Бату всегда был рядом, она привыкла оставаться защищенной, она навсегда такой и останется.

ГЛАВА 24 ПОДАРОК ВЛАСТЕЛИНА

Странно алеет закат. Они остановились на высоком холме над рекой, и долго смотрели туда. И казалось, что далекий Киев полыхал в последнем своем порыве.

Бату выполнил свое обещание. Он всегда исполнял то, что обещал, только оба они точно понимали, что не нужен был ей он, напрасный дар. Хотя никогда и ни о чем он жалеть не собирался.

- Их мир станет другим, мы не можем его таким оставить, - говорил он почти яростно.

- Ты же видишь, что они уничтожают сами себя. Я там был когда-то, я любил его, но посмотри, что с ним стало теперь.

Он говорил какие-то загадочные, непонятные вещи. Но Забава слушала его, она понимала, что это только ей неизвестно, а на самом деле так и есть, и потому она слушала его.

Он прекрасен, он был прекрасен, но эти люди слабы и безрассудны. Они уже почти все погубили, а если их еще оставить без внимания, то все сгинет окончательно.

И она чувствовала, что он и на самом деле так думает, что он собирается его спасти и уберечь, как бы ни странно это звучало после всего, что случилось.

Говорили о прибытии князя Ярослава.

Забаве не хотелось снова встречаться с этим князем, он был печален и хорош, если перед кем-то она и чувствовала себя виноватой, то не перед отцом, а именно перед ним. Но от нее ничего пока не зависело, хотя ни одна из его жен не могла так влиять на него. Но как только встречаются победители и побежденные, тут уж женщины должны отойти в сторону.

Они ждали появления князя Ярослава, узнали о смерти князя Мстислава, очень скоро. Жизнь между тем продолжалась. Она была многогранна и интересна

На долгие годы Русь была погружена во мрак рабства. Горели новые города и села, они не могли подняться и расправить плечи, сколько не старались. Русские князья покорно отправлялись в орду, ждали новых набегов и в ужасе думали о том, что с ними со всеми может случиться еще

Мы бросим народам грозу и пламя

Несущие смерть Чингисхана сыны.